

трагедия сорок пятого

из истории первой атомной бомбы

Трагедия сорок пятого

(Из истории первой атомной бомбы)

В. Б. Воронцов

*Издательство «Просвещение»
Москва 1969*

- Воронцов В. Б.**
В75 Трагедия сорок пятого (Из истории первой атомной бомбы). М., «Просвещение», 1969.

136 с. с илл., портр. 100 000 экз., 17 к.

Одна из величайших трагедий XX века — взрыв атомной бомбы. Литераторы и историки не раз еще обратятся к этой теме. Каждый честный человек будет не только помнить о трагедии Хиросимы и Нагасаки, но и сделает все, что в его силах, чтобы предотвратить пожар атомной войны.

Работа В. Б. Воронцова посвящена политической истории появления первой атомной бомбы. Как родилась идея создания атомного оружия? Кто стоял у колыбели атомной бомбы? Как было принято решение сбросить атомные бомбы на японские города? Каковы были политические мотивы этого решения? Кто подлинные виновники трагедии 1945 года?

На эти и другие вопросы отвечает автор, использовавший при написании книги официальные документы, мемуары государственных и военных деятелей, участников событий, монографии и статьи, опубликованные в СССР и за рубежом.

Вместо предисловия

А если вдруг...

Меж войн прорвется роздых
И разорвутся бомбы все...

Тогда
Окажутся смертельными

и воздух,
И хлеб, и соль, и розы,

и вода.
Эй, люди, отрешитесь от

идиллий,
Задуматься вам подан верный

знак.

(Расул Гамзатов. *Колокол Хиросимы*)

Груды обломков и пепел, остатки разрушенных зданий, остовы трамваев — мрачные картины вымершего, лежащего в развалинах города. Так после 6 и 9 августа 1945 г. фотографы увековечили Хиросиму и Нагасаки на многочисленных мрачных снимках, вот уже более двадцати лет не сходящих со страниц мировой прессы. Но не только руины поражают нашего современника, перебирающего снимки разрушенных городов. Разве могут фотографии передать всю глубину человеческих страданий, которые вошли в японские семьи и отозвались спустя многие годы суровым эхом войны в сердцах простых людей всего мира.

Сегодня люди, стоящие на различных политических платформах, придерживающиеся порой противоположных идеологических взглядов, глубоко обеспокоены угрозой дальнейшего распространения атомного оружия по земному шару. Начало современной гонки атомного вооружения было положено Соединенными Штатами Америки во время второй мировой войны, когда атомные бомбы американского производства упали на японские города Хиросима и Нагасаки. Американские буржуазные авторы не раз обращались к хиросимской трагедии, пытаясь как-то оправдать это чудовищное преступление перед человечеством. «Великое решение» — так назвал одну из книг, посвященных первой атомной

бомбе, американский автор Амрайн. Другие буржуазные авторы, подобно Амрайну, признают варварскую бомбардировку Хиросимы в качестве необходимого шага, вызванного военными нуждами. Эту идею впервые облюбовали ведущие политические деятели США и Англии — бывший президент США Гарри Трумэн и бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль. «Я рассматривал бомбу как военное оружие,— вспоминал Трумэн,— и никогда не сомневался в том, что она должна быть использована». В таком же духе высказывался и Черчилль. Военный министр правительства Трумэна Стимсон, на котором, как и на президенте, лежит ответственность за решение сбросить атомную бомбу, писал в своих мемуарах: «...если победа могла быть приближена атомной бомбой, то последняя должна была быть использована».

Видные буржуазные ученые США середины XX в. вынуждены признать: взрывы американских бомб над территорией Японии оказали непосредственное влияние на рост послевоенного движения народов за мир, против распространения ядерного оружия.

Бывший главнокомандующий сухопутными силами США на Тихом океане, а затем начальник штаба оккупационных войск в Японии покойный генерал Макартур, убедившись, какой невиданный протест вызывает в мире, особенно в среде японского народа, атомное оружие, решил в мемуарах говорить больше о своих «собственных деяниях», нежели о делах правительства США. Он упрямо подчеркивает то обстоятельство, что не знал о наличии этого оружия. Однако командующий тихоокеанским военно-воздушным флотом генерал Спаатс имел специальное поручение проинформировать Макартира о применении атомной бомбы.

Глава американского штаба оккупационных войск на практике следовал принципам атомного шантажа; его решения основывались на легкомысленном предположении, что поскольку США владеют монопольно атомным оружием, постольку они призваны «руководить всем миром». В этом состоял один из первых аргументов Макартира, оправдывающих, по его мнению, решения американского командования на Дальнем Востоке.

Макартур усиленно отстаивал перед японским читателем тезис о том, что якобы Хиросима и Нагасаки бы-

ли важными военными объектами. Спустя двадцать лет Макартур решил умышленно забыть те факты, которые стали известны мировому общественному мнению в первые же дни после атомной бомбардировки Японии. Буквально через двадцать минут после заявления Трумэна 7 августа 1945 г. радио Гонконга передало сообщение английского корреспондента Никольса Блэйка о том, что, «по весьма достоверным данным, в Хиросиме к моменту, атомного удара находилось всего два батальона учебных войск Японии» и что Хиросима никогда не была «важнейшей базой сухопутных войск Японии». «Гонконг Таймс», ссылаясь на американские источники, писала тогда, что генералы-советники Трумэна были хорошо информированы о намерении сбросить атомную бомбу «над какой-либо точкой суши на территории Японии для того, чтобы поставить в известность своих союзников по второй мировой войне о монопольном владении США столь мощным, всеокрушающим оружием. Это была мера устрашения союзников, и в частности России, мера устрашения тех народов, которые почувствовали себя национальной силой»¹. И об этом генералу Макартуру было известно.

Вице-адмирал Эллис Захариас поставил под сомнение выводы своих коллег о якобы решающей роли атомной бомбы на заключительном этапе войны на Тихом океане. «Япония приняла бы наши условия капитуляции и без атомных бомб. Я сам глубоко убежден в том, что взрыв обеих этих бомб не оказал решающего значения на окончательные результаты исторических событий в районе Тихого океана. ...Применение атомных бомб, вместо того чтобы сломить моральный дух японцев, могло бы его укрепить, так же как это было в Пирл-Харборе и при бомбардировках Лондона»².

Широкое распространение в американской литературе получили рассуждения о том, что атомная бомба принесла столько же (и даже меньше) разрушений, как и обыч-

¹ См.: Б. Г. Сапожников, В. Б. Воронцов. Макартур вспоминает... (Из истории американской оккупационной политики в Японии). «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 69.

² Цит. по: «Канн, где брат твой Авель?» «Международная жизнь», 1961, № 6, стр. 132. В дальнейшем: «Международная жизнь», 1961, № 5 или № 6.

ные бомбовые удары американской авиации. Бывшие государственные деятели США, принявшие в свое время решение о бомбардировке Хиросимы, положили начало подобного рода рассуждениям. «В марте 1945 г. наши военно-воздушные силы предприняли первый массированный удар зажигательными бомбами на район Токио,—писал тогдашний военный министр США Стимсон,—и в результате этого налета было больше разрушений и жертв, нежели в Хиросиме».

Бывший посол США в Японии, известный американский японовед и международник Эдвин Рейшауэр в своей книге настойчиво просит забыть трагедию Хиросимы и Нагасаки и поверить в то, что обычные бомбардировки несли с собой столько же разрушений, сколько и атомные. Рейшауэр в удивительно спокойном тоне пишет, например, о чудовищной трагедии Хиросимы: «Хиросима была уничтожена одной атомной бомбой с потерями возможно в 100 000 жизней, но Хиросима был небольшой город, и его разрушение имело место уже после того, как большинство японских городов были поражены в результате повторяющихся бомбардировок».

Герберт Фейс — один из ведущих в годы войны советников госдепартамента, отстаивая в своих работах тезисы Трумэна и Черчилля, вынужден был все же оговориться: «Возможно также, но это только предположение, что Черчилль, Трумэн и некоторые их коллеги полагали, что помимо скорейшего окончания войны это (атомная бомбардировка) улучшит шансы обеспечения удовлетворительного мира»¹. Говоря об «удовлетворительном мире», Фейс имел в виду интересы монополистического капитала США.

Большинство же американских историков второй мировой войны приписывают инициаторам решения сбросить атомные бомбы лишь гуманные цели — скорейшее заключение мира, сокращение сроков войны, возможность избежать новых жертв.

Надо отдать должное многим японским историкам,

¹ Цит. по кн.: А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке (Из истории международных отношений, национально-освободительной борьбы народов Восточной и Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны). М., 1966, стр. 530.

которые разбивают вымыслы фальсификаторов. Мацумото Акира считает, что американские политики после взрыва атомной бомбы не стеснялись и открыто говорили о своих целях: «У нас есть золото, у нас есть атомная бомба, у нас, наконец, есть слава победителей в Европе и в Азии. Мы имеем право, таким образом, руководить всем миром, требовать уважения и послушания со стороны всех — союзников-победителей и противников-пораженных».

Нужно ли было применять такое варварское оружие, каким является атомная бомба? На этот вопрос другой японский историк, Кацубэ Хадзимэ, отвечает: нет! «Атомная бомба, сброшенная на Японию, — считает Хадзимэ, — это был первый шаг к войне против СССР. Американские атомные бомбы унесли сотни тысяч жизней... Это не было необходимостью в стратегии второй мировой войны, это были уже жертвы третьей мировой войны». Жертвы третьей мировой войны! Ни один ученый мира не может предсказать, каковы бы были в действительности жертвы атомной мировой войны. Но для большинства трезвомыслящих людей ясно одно: если войну не предотвратить, то она принесет с собой такие несчастья, каких еще не знало человечество. Сохранение мира, предотвращение возникновения гигантского мирового пожара становится теперь наиболее важной, жизненно необходимой целью каждого мыслящего человека нашей планеты. Первыми жертвами атомной войны стали Хиросима и Нагасаки. Но трагедия не должна повториться — таково непреклонное желание всех честных людей мира.

Атомный пепел Хиросимы и Нагасаки, трагедия японских рыбаков, попавших в зону испытаний американского водородного оружия на Тихом океане, наконец, потерянные ядерные бомбы с американского бомбардировщика у испанской деревни Паломарос и у берегов Гренландии напоминают людям о страшной угрозе, заставляют объединять усилия в борьбе за мир, за разоружение.

В этой книге мы поставили перед собой задачу рассказать читателю об истоках атомной дипломатии США, показать ту обстановку, в которой принималось роковое решение, вызвавшее невиданную в истории человечества трагедию — трагедию Хиросимы и Нагасаки.

Тайны генерала Гровса

15 марта 1939 г. гитлеровская Германия обрушила свою военную мощь на Чехословакию, кованные сапоги немецких солдат топтали улицы Праги. Чехия и Моравия были объявлены германским протекторатом. Лидеры капиталистической Европы пожинали плоды политики «умиротворения» фашизма, народы расплачивались за эту политику. Мировую печать захлестнула волна осуждения Гитлера.

В суровые дни весны 1939 г. в США появились сообщения об активизации в Германии атомных исследований. В Берлине, когда на улицах победно развевались полотнища с черной свастикой, состоялось второе совещание ученых-ядерщиков, проводившееся под руководством исследовательского отдела Управления вооружений армии. В фашистской Германии начало свою деятельность так называемое «урановое общество».

Среди американских ученых, занятых проблемой ядерного деления, стихийно появилось непреклонное желание опередить гитлеровскую Германию в овладении атомным оружием. Ученые, многие из которых бежали в США от преследований Гитлера, ударили в набат. Итальянский физик Ферми обратился к американским властям с посланием, содержащим предупреждение о том, что державы оси, несомненно, заняты подготовкой к использованию ядерного деления. Ферми призывал США не оставаться в стороне и делать то же самое. Попытка Ферми тогда окончилась неудачно. Он получил вежливый отказ. Но неудачи не остановили ученых. За дело взялся венгерский физик Лео Сцилард, нашедший, как и Ферми, приют в США.

Лео Сцилард обратился к известному в ученых кругах финансисту Александру Саксу. Последний пользовался вниманием президента Франклина Рузвельта,

был вхож в Белый дом и не раз пользовался любым поводом для того, чтобы использовать свои связи в интересах практического осуществления идей ученых. 11 октября 1939 г. Сакс вручил Рузвельту письмо, составленное Сцилардом и подписанное выдающимся физиком Эйнштейном. В письме содержался призыв опередить Германию в производстве атомного оружия. Рузвельт, казалось, с вниманием отнесся к проектам ученых. Но в заключение сказал разочарованному посетителю, что это интересно, но вмешательство государства в подобного рода дела пока преждевременно.

Однако Сакс проявил завидную настойчивость. На следующее утро он вновь появился в кабинете у Рузвельта. Вторая встреча прошла в обстановке большего взаимопонимания. Увидев вошедшего Сакса, Рузвельт, сидевший за завтраком, иронически спросил: «Что за блестящая идея у вас появилась? Сколько времени вам надо, чтобы изложить ее?» Сакс ответил: «Я хочу рассказать вам одну историю. Во время наполеоновских войн к императору Франции явился молодой американский изобретатель и предложил ему построить паровой флот, с помощью которого Наполеон был бы в состоянии, несмотря на неустойчивую погоду, высадиться в Англии. Корабли без парусов? Это показалось великому корсиканцу столь невероятным, что он прогнал Фултона. По мнению английского историка лорда Актона, это является примером того, как Англия была спасена благодаря близорукости противника. Прояви тогда Наполеон больше воображения и сдержанности, история девятнадцатого столетия могла бы развиваться совершенно иначе».

После рюмки французского коньяка наполеоновских времен и непродолжительного молчания Рузвельт вызвал своего атташе генерала Уотсона, по прозвищу «Па». Президент, указав на документы Сакса, сказал: «Па, это требует действий!»¹ Так впервые была нажата кнопка политического механизма, открывшего путь к созданию атомного оружия. Но прошло еще много времени, пока эта идея стала претворяться в жизнь.

¹ См.: Р. Юнг. Ярче тысячи солид. Повествование об ученых-атомниках. М., 1961, стр. 99—100.

Еще в 1940 г. помыслы англичан оказались устремленными к созданию новой бомбы. На острове, подверженном постоянным атакам авиации противника, английские ученые собирали свои силы для активизации ядерных исследований. «Английские ученые провели серию экспериментов,—писал американский журналист У. Лоуренс,—почти полностью доказавших возможность достаточно быстрого создания атомной бомбы, чтобы пустить ее в ход против Германии. Более того, Англия была готова вложить миллионы в эти работы, и ее ученые приглашали нас (американцев) присоединиться к ним, предлагая поделиться своими знаниями, несмотря на то, что в то время у нас почти нечего было предложить им в этой области»¹.

В США, где тогда еще торжествовала политика невмешательства в европейские дела, особой нужды в финансировании атомных исследований как будто не чувствовалось. В феврале 1940 г. федеральное правительство США ассигновало лишь 6 тыс. долларов для лабораторных исследований расщепления атома². Но после нападения японцев на Пёрл-Харбор интерес американцев к атомным исследованиям резко возрос.

Мир объят пламенем войны. Битва под Москвой похоронила планы молниеносной войны Гитлера против страны социализма. На бескрайних просторах России советские солдаты совершают свои бессмертные подвиги ради спасения всего человечества.

Весенние победы у атолла Мидуэй вдохновили американцев, сражающихся на тихоокеанском театре военных действий.

В 1942 г. Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласились сконцентрировать работу по атомным исследованиям в Канаде и США. В США контроль над атомом перешел в руки Военно-политического комитета, в который вошли генерал Стайер, адмирал Парнелл и генерал Гровс, а также два ученых—доктор Буш и доктор Конэнт³. Внешне казалось, что англичане и американцы работали

¹ У. Л. Лоуренс. Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. М., 1966, стр. 74.

² См.: В. А. Морозов. Разоружение и проблема капиталистического рынка. М., 1964, стр. 62.

³ См.: Р. Юнг. Ярче тысячи солнц, стр. 103.

в тесном сотрудничестве над атомной бомбой. Представители США и Англии договорились, что, хотя место производственных центров избрано в США, полная информация должна быть доступна и той и другой стороне. США и Англия пришли также к обоюдному соглашению — ни одна сторона не использует атомную бомбу без одобрения другой. Но в этом соглашении появилась существенная оговорка, таившая далеко идущие планы Вашингтона: «Любые послевоенные преимущества промышленного или коммерческого характера будут распределяться между Соединенными Штатами и Великобританией на условиях, изложенных президентом Соединенных Штатов премьер-министру Великобритании»¹.

Более пристальный взгляд на подобное сотрудничество не мог не отметить острую англо-американскую борьбу вокруг атомной бомбы. В феврале 1943 г. Черчилль, видя, с какой откровенной наглостью американские коллеги пользуются достижениями британской науки, не давая ничего взамен, решил протестовать. В телеграмме помощнику Ф. Рузвельта Гарри Гопкинсу премьер писал: «Я был бы очень признателен за какие-нибудь новости об этом, поскольку в настоящее время американское военное ведомство просит нас информировать его о наших экспериментах и в то же время отказывает нам в любой информации об их работах»². Гопкинс попытался успокоить премьера: «Насколько позволяет судить собранная мной информация, у нас предполагают, что никакое соглашение не может быть разорвано».

Такие утверждения рассчитаны были лишь на легковерных. В действительности все выглядело иначе. Лесли Гровс делал все, что только мог, лишь бы затруднить англо-американское сотрудничество, основанное на предварительных соглашениях³.

Кто же он, этот влиятельный генерал Гровс?

В 46 лет генерал инженерных войск Лесли Гровс стал во главе крупнейшей и, пожалуй, наиболее засекреченной организации, известной когда-либо в истории США, «Манхэттенский проект» — так называлась услов-

¹ Р. Кларк. Рождение бомбы. М., 1962, стр. 160.

² Там же, стр. 157.

³ Р. Юнг. Ярче тысячи солнц, стр. 106.

но организация, деятельность которой явилась предметом особой заботы секретных служб США. Члены конгресса голосовали за статьи расходов по бюджету «Манхэттенского проекта», не имея ни малейшего представления о том, что эти расходы связаны с военным бюджетом¹. А сумма, ассигнованная на создание атомной бомбы, чем в действительности и занимался «Манхэттенский проект», составляла 2 млрд. долларов.

...Генерал Лесли Ричард Гровс, казалось, не был обрадован новым назначением. Он хотел возглавить армию, снискать славу на поле боя, а ему по-прежнему не давали «понюхать пороху». Гровс втайне надеялся стать рядом со своим коллегой по военной академии Вест-Пойнт Дугласом Макартуром.

Но 17 сентября 1942 г. для генерала Лесли Гровса началась новая жизнь — он стал административным руководителем «Манхэттенского проекта». С этого дня 150 тысяч военных и гражданских лиц обязаны были подчиняться любому приказу «большого босса», ибо от него зависел успех дела — создание атомной бомбы.

...В свое время Гровс мог похвастаться мускулистым телосложением футбольного игрока. Теперь же он внешне не выделялся среди своих собратьев-военных. Лишь аккуратно подстриженные усики, волнистые волосы и грузное тело делали Гровса по виду, может быть, более штатским. Окружающие отмечали раньше за Гровсом одну страсть — лакомиться шоколадом. Специальный адъютант следил за тем, чтобы в личном сейфе генерала не переводились любимые сладости. После того как генерал сел в кресло «большого босса», за ним стали отмечать новые «слабости», во многом определяемые профессией «надсмотрщика». Его крутой нрав был хорошо знаком строителям армейских казарм да и самого здания военного ведомства — Пентагона.

Лесли Гровс гордился своими секретными городами и лабораториями. В районе, где воды с Аппалачских гор сливаются в самый полноводный приток реки Огайо — Теннесси, где богатейшим источником электроэнергии, казалось, не было предела, недалеко от местечка, названного в округе «Счастливой долиной», в Окридже,

¹ См.: Р. Миллс. Властвующая элита. М., 1959, стр. 281.

Генерал Гровс (в середине) доволен: дела с атомной бомбой идут успешно.

было налажено атомное производство. Продукция одного завода Окриджа могла бы поместиться в небольшой свинцовый цилиндр, но ради этого уже были ассигнованы миллионы долларов.

Осенью 1942 г. Лесли Гровс встретился с известным в США физиком Оппенгеймером. Обсуждался вопрос: где построить лабораторию. В Окридже уже несколько месяцев назад было налажено строительство предприятий. Этот район находился недалеко от берегов Атлантики, где, по слухам, появлялись немецкие подводные лодки и высаживали своих агентов. Двое немецких лазутчиков были пойманы недалеко от Окриджа. Они, конечно, не ставили перед собой цель ознакомиться со строительством нового предприятия, но проявляли интерес к соседнему предприятию алюминиевой промышленности, где работало много американцев немецкого происхождения. Подобного рода происшествия настораживали Гровса, и он решил сотрудничать с Оппенгеймером в выборе места для второй лаборатории.

Оппи, как стали звать атомники своего коллегу, предложил сначала Калифорнию, но Гровс считал, что этот

«Отец американской атомной бомбы» Р. Оппенгеймер. «Мы сделали работу за дьявола».

район соседствует с густонаселенными пунктами. Тогда Оппи вспомнил местечко, где он воспитывался еще в детские годы, в школе Лос-Аламоса (штат Нью-Мексико). Оппи частенько в шутку говаривал своим друзьям: «Предметы моей величайшей любви — это физика и Нью-Мексико. Как жаль, что их нельзя объединить»¹.

25 ноября 1942 г. помощник военного министра Джон Макклой дал указание приобрести в ведение государства местечко Лос-Аламос. Через несколько дней сюда прибыли первые строители, а в марте 1943 г. и ученые. Отныне, часто забывая о сне и еде, под руководством Оппенгеймера в Лос-Аламосе начали работать теоретики и практи-

ки, представлявшие самые различные отрасли наук. 2 декабря 1942 г. под руководством Энрико Ферми ученые впервые осуществили контролируемую цепную реакцию. Весной 1943 г. начала деятельность группа ученых из Колумбийского и Принстонского университетов, имевшая кодовое наименование «Мет Лэб». Цель группы состояла в исследовании плутония и организации экспериментов, связанных с цепной реакцией. «Мет Лэб» стала частью организации, руководимой Артуром Комптоном.

Не за горами были и экспериментальные работы по созданию атомной бомбы. Район Лос-Аламоса находился под постоянным контролем служб безопасности; на его границах круглосуточно дежурили специальные патрули, пути въезда и выезда были ограничены. Лица, которым разрешалось покинуть район, должны были иметь достаточно веские основания. Сотрудники перед поступлением на службу в ведомство Оппенгеймера подписы-

¹ Р. Юнг. Ярче тысячи солнц, стр. 15.

вали обязательства, связанные с ограничением передвижений для их семей. На секретных заводах Окриджа и Хэнфорда постепенно осваивалось производство расщепляющегося материала, необходимого для создания бомбы. В Окридже получали уран-235, в Хэнфорде — плутоний. В Хэнфорде стали действовать со временем три крупных реактора по производству плутония.

Морганы, Дюпоны, Меллоны стояли у колыбели атомной бомбы. Моргановская «Дженерал электрик» еще в 1941 г. по поручению правительства рекомендовала начальнику своего атомного отдела исследовать возможности военного использования урана. Профессор Карл Комптон, возглавивший Чикагскую лабораторию, где начали разрабатывать проект атомной бомбы, представлял интересы Моргана¹.

Л. Гровс привлек к осуществлению «Манхэттенского проекта» фирму «Стоун и бразерс». Фирма занималась инженерными и строительными работами. Постепенно в сферу деятельности «Манхэттенского проекта» вовлекались все новые и новые промышленные объединения. 8 июля 1942 г. было решено, что проектирование и производство оборудования для завода по производству тяжелой воды в Трейле (Колумбия) будет поручено бостонской фирме «Бэджер и бразерс», а строительство и эксплуатация этого завода — канадской фирме «Консолидэйтед майнинг энд смелтинг». Дюпоны получили на строительство трех более мощных заводов по производству тяжелой воды приблизительно 20 млн. долларов. Решение задачи по получению плутония потребовало еще больших усилий. Гровс, поняв, наконец, что действующие монополии не соответствуют его масштабам, пришел к выводу передать дела более мощному промышленному объединению. Такой компанией, способной возглавить работы по созданию атомной бомбы, и была, по его мнению, фирма «Дюпон». Она и сыграла ведущую роль в строительстве атомного предприятия в Хэнфорде.

Одна из старейших промышленных династий США (фирма «Дюпон» существует с 1802 г.) оставалась верной своим традициям: ее родоначальники начинали с массового производства пороха в Северной Америке. Ос-

¹ См.: А. Леонидов. Политика военных монополий. М., 1961, стр. 41.

Дюпоны. Заседают некоронованные короли американского оружия.

нователь дюпоновского предприятия Ирене Дюпон получил от третьего президента США Томаса Джефферсона трогательное послание, где, между прочим, говорилось: «Я с большим удовольствием сообщаю вам, что решено пользоваться для государственных интересов вашим предприятием, к услугам которого будут прибегать или морское или военное ведомства»¹. С того времени Дюпоны верно служили интересам военного бизнеса США, их участие в любом деле по созданию чудовищных средств массового уничтожения всегда считалось само собой разумеющимся.

Именно поэтому «Дюпоны» привлекли внимание Лесли Гровса. 10 ноября 1942 г. генерал встретился с президентом компании «Дюпон» — Карпентером младшим. Когда Гровс направлялся к Карпентеру, его одолевали сомнения: согласится ли «Дюпон» взять на себя такую ответственность, как производство плутония. Гровсу, как и многим его коллегам, казалось, что фирма настороженно отнесется к новым заказам, поскольку они были связаны с абсолютно новым производством и, конечно, с большим риском. Кроме того, Дюпоны переживали пору расцвета, не успевая переваривать сыпавшиеся на них военные заказы. Гровс, ссылаясь на авторитеты

¹ Энгельбрехт и Ханиген. Торговцы смертью. Международная военная промышленность. М., 1935. стр. 41.

(Рузвельта, военного министра Стимсона, начальника Объединенного комитета начальников штабов США генерала Маршалла), убедил Карпентера в необходимости принятия заказов. Для того чтобы склонить президента фирмы к согласию, не потребовалось много времени. Ведь Дюпоны всегда были впереди, когда дело касалось производства нового, отвечающего уровню современной техники вооружения, и теперь они не хотели уступать пальмы первенства. Оставалось одно: доложить о решении Совета директоров компании правлению. Члены правления «Дюпон» вскоре собрались на свое очередное заседание, где выступил Карпентер. «Совет директоров,— говорил президент,— рекомендует компании взять на себя выполнение правительственного заказа в новой для компании области. Заказ этот очень большой и трудный; выполнение его потребует предельной мобилизации ресурсов компании. Выполнение этого заказа сопряжено с серьезным риском, однако высшие правительственные руководители, а также лица, хорошо знакомые с этим проектом, рассматривают этот заказ как имеющий важнейшее оборонное значение. Особая секретность проекта не позволяет рассказать даже о его основных целях. Однако если кто-либо из членов правления пожелает, он может до голосования перевернуть и прочесть материалы о проекте». Эти материалы лежали перед каждым членом правления с перевернутым вниз текстом. Но ни один из них — а все они держали при себе солидный пакет акций компании — не перевернул материалы, все молча проголосовали за проект. Члены правления знали, что государство гарантирует дело и не принесет ущерба интересам «Дюпонов».

Заводом по производству урана-235 в Окридже управляла корпорация «Юнион карбид». Эта корпорация, выпускавшая ядовитые газы, различные материалы для взрывчатых веществ, уран и ванадий, проложила Меллонам дорогу в атомную промышленность. У истоков атомного производства США действовал и концерн «Вестингауз», тесно связанный с Меллонами¹.

В правительственный комитет, занимавшийся проблемами использования атомной бомбы, Дюпоны послали

¹ См.: А. Леонидов. Политика военных монополий, стр. 45.

В. С. Карпентера, «Вестингауз» — Батчера, «Юнион карбид» — Джеймса Реферти, а промышленники Теннесси — Джеймса Уайта.

Эти люди и вошли в состав специального консультативного совета при правительственном комитете. Монополии проектировали и создавали промышленные комплексы, подбирали кадры ученых, но за всем этим, за созданием герметически закупоренных отсеков лабораторий следило бдительное око Лесли Гровса; это он неусыпно наблюдал за тем, что делают и как мыслят люди в этих «мышеловках». Генерал еще в 1942 г. говорил: «Россия является врагом...»

Спасаясь от фашистского террора, многие выдающиеся ученые вынуждены были эмигрировать на Американский континент. Лесли Гровс гостеприимно принимал их. Эмиграция ученых объяснялась в основном усиленным проникновением нацистской идеологии на университетские кафедры Германии, где перестали уважать способности и таланты, а превозносили верность фашизму, прославляли чистоту «арийского» происхождения. С. Гоудсмит, научный руководитель миссии «АЛСОС» (группы, занимавшейся сбором информации в конце войны по германскому «урановому проекту» в связи с заданием американской разведки), приводит весьма показательный пример. Видному немецкому химику Розенштейну дозволено было находиться в Германии и занимать довольно солидный пост, ибо ему обещали привилегии ВВИ — «экономически ценного еврея». Вскоре Розенштейн убедился, насколько беспочвенными были его надежды. Ему, как и многим его коллегам, предстояло носить «желтую звезду» — самое позорное в фашистской Германии клеймо, и он, наконец, испытав все превратности судьбы, с фальшивыми документами исчез из Германии¹.

Однако основной потерей для немецкой науки было не исчезновение отдельных ученых. Главное состояло в том, что нацизм предал анафеме все достижения новейшей физики. В обстановке нацистского психоза новейшая физика была объявлена «неарийской», а потому и не стоящей внимания «истинных патриотов великой

¹ См.: С. Гоудсмит. Миссия «АЛСОС». М., 1963, стр. 47—48.

Германии». Жандармские методы в организации университетской жизни ничего общего не имели с прогрессом, они отбрасывали науку назад, а вместе с тем и закрывали пути к созданию атомного оружия, что безусловно, в свою очередь, выдвигало вперед США в этой области.

Случилось так, что к услугам научного, а вскоре и политического мира США оказались труды величайшего ученого XX в. Альберта Эйнштейна. Теоретические работы Эйнштейна легли в основу атомной физики.

Путь этого гениального ученого в США из Европы, как и многих других физиков, не был необычен. Фашисты не могли простить ему два, как они считали, величайших греха: стойкий пацифизм и еврейское происхождение. Польский профессор Л. Инфельд, работавший с Эйнштейном в Принстонском институте фундаментальных исследований (США), посвятил своему коллеге волнующие строки: «Война для Эйнштейна была явлением ужасным. Всю свою жизнь он ненавидел прусский милитаризм, а позднее с такой же силой выступал против американского милитаризма. В течение всей своей жизни Эйнштейн поднимал голос в защиту угнетенных. Его порядочность, рожденная скорее рассудком, чем сердцем, производила волнующее впечатление. Во время войны никто из его коллег не разделял его взглядов. Его чурались, как прокаженного. На заседаниях Академии (Прусской.—В. В.) места по обе стороны от него демонстративно оказывались не занятыми».

Но это был первый «грех» Эйнштейна, зависящий во многом от взглядов ученого, склада его характера. Второй же «грех», обусловленный происхождением, гнал из фашистской Германии его коллег, не разделявших порой социальные воззрения Эйнштейна. В 1932 г. Эйнштейн эмигрировал в США и стал сотрудником Принстонского института фундаментальных исследований.

Работы А. Эйнштейна стали теоретической основой атомных исследований в США; практический вклад в организацию и осуществление важнейших экспериментов в этой области внесли итальянский физик Э. Ферми, венгерские ученые Э. Теллер, Л. Сцилард, Е. Вигнер. Ученые различных стран мира вложили свой вклад в разгадку атома. «Наука интернациональна,— писал английский физик-ядерник Джордж Томсон.— Это очевидно даже

А. Эйнштейн. «Если бы я знал, что немцы не создадут атомную бомбу, я бы не сделал ничего ради бомбы».

из простого перечня имен: англичанин Чедвик первый открыл нейтроны; итальянец Ферми установил, что они производят определенный эффект в уране, хотя и не смог правильно его объяснить; немец Ган объяснил ошибку Ферми, но сам не сделал последнего шага: не сумел разглядеть процесс ядерного деления. Это выпало на долю его австрийской сотрудницы Лизы Мейтнер, ее племянника Фриша (бежавших от Гитлера), француза Жолио и коллектива американцев, которые почти одновременно открыли явление, обеспечивающее возможность цепной реакции. Здесь названы представители шести нацио-

нальностей. Последующие разработки, проводившиеся уже после того, как вспыхнула война, в значительной степени выполнялись учеными, бежавшими из Германии и Италии¹. Все они могли лишь предполагать, какой чудовищной силы оружие дают в руки военных их исследования.

Среди других подопечных больше всего беспокойства Гровсу доставлял, пожалуй, датский физик Бор. Бежавший из оккупированной немцами Дании, этот ученый работал в США под псевдонимом «Бейкер». Бора раздражала обстановка секретности, в которую ему довелось попасть. Когда ученый в сопровождении своего сына прибыл в Нью-Йорк, его сопровождали два английских детектива. На американской земле к англичанам присоединились еще двое — уже из секретной службы «Манхэттенского проекта». Бор, широко известный своим свободолобием, страшно тяготился присутствием полицейских ищек и пользовался любым случаем, чтобы избавиться от их общества. Для агентов оказалось чрез-

¹ Р. Кларк. Рождение бомбы, стр. 5.

вычайно трудным делом держать ученого в поле своего зрения, и, когда Бор отправлялся по нью-йоркским улицам, не менее шести охранников сопровождали его¹.

Накануне приезда Бора в Лос-Аламос Гровс поехал встречать ученого. В поезде генерал пытался втолковать своему новому подопечному, что он должен говорить, а что — нет. Но спустя пять минут после приезда Гровс, к своему удивлению, обнаружил, что Бор не выдержал и высказал все обещанное держать в тайне.

Н. Бор.

Больше всего генерала раздражали попытки датского физика повлиять на решения американского правительства. 3 июля 1944 г. Бор писал президенту Рузвельту: «В процессе изготовления находится оружие беспримерной мощности, способное полностью изменить весь характер будущих войн. Независимо от того, как скоро оружие будет готово к употреблению и какую роль оно сыграет в настоящей войне, эта ситуация поднимает много проблем, требующих самого пристального внимания. Можно ли достичь в свое время какого-то соглашения о контроле над использованием новых активных веществ? Любое временное преимущество, как бы велико оно ни было, не может идти в сравнение с постоянной угрозой безопасности всего человечества»².

Накануне Ялтинской конференции глав трех правительств (февраль 1945 г.) Гровс составил специальный доклад для Стимсона и Маршалла. В докладе планировалось подготовить первую атомную бомбу к августу 1945 г., вторую — к концу года, а третью — спустя некоторое время. Однако тогда в правительственных кру-

¹ См.: Р. Юнг. Ярче тысячи солнц, стр. 108.

² Цит. по кн.: Р. Кларк. Рождение бомбы, стр. 153.

гах преобладали сомнения относительно успеха в работе над новым оружием. Скептически в этом отношении был настроен адмирал Леги, стоявший ближе, чем кто-либо другой, к президенту при определении проблем нового вооружения. От гражданского директора «Манхэттенского проекта» информация и предложения поступали к Гровсу, затем к Стимсону, от последнего к президенту, чьим личным советником и был адмирал Леги. Адмирал оказался, пожалуй, последним из наиболее высокопоставленных чинов, развеять сомнения которого было не так-то просто. Когда это все же удалось сделать, Леги признался: «Эта концепция войны тотального плана весьма неприятна для солдат и моряков моего поколения». Тогда Леги, видимо, не предполагал, как «эта концепция» будет воспринята будущими поколениями.

Какая бы тайна ни окружала ведомство Гровса, слухи о предполагаемом создании нового вида оружия проникали в печать. Английская газета «Санди диспетч» от 11 января 1943 г. назвала свою статью многообещающе: «Одна маленькая бомба уничтожит Берлин». В статье говорилось о новых возможностях бомбы, взрыв которой в диаметре распространяется на 25 миль.

Работа в США над атомной бомбой осуществлялась в тайне и от Советского Союза. Советское правительство к 1942 г. уже располагало информацией о том, что в Германии и США в условиях особой секретности ведутся срочные работы по созданию сверхмощного оружия. В Москве было принято решение начать исследования в направлении создания атомного оружия. Во главе группы советских ученых, занятых этой проблемой, встал И. В. Курчатов.

У истоков атомной дипломатии

12 апреля 1945 г., когда большая стрелка часов в Белом доме перешла за 7, человек с тонкими губами и хитрым взглядом, спрятанным за толстыми стеклами очков, встал перед портретом Вудро Вильсона с библией в руке и начал читать: «Я, Гарри Трумэн, торжественно клянусь честно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и буду делать все, что в моих силах, в целях сохранения, защиты конституции Соединенных Штатов...»

Гарри Трумэн заменил на посту президента Франклина Рузвельта. Покойный президент в глазах своего преемника в Белом доме и по мнению многочисленной армии политических советников наделал немало глупостей в конце своей жизни: его обвиняли в том, что он слишком своевольничал, игнорировал рекомендации своих коллег. В кулуарах госдепартамента распространялись слухи, будто Ф. Рузвельт даже не потрудился прочитать документы, подготовленные специалистами к Ялтинской конференции трех держав.

Гарри Трумэна в роли президента многие называли «политической случайностью». Одним из лучших комплиментов, отпускавшихся по адресу нового президента, считалось выражение: «Трумэн не дурак». Трумэн, который слыл дилетантом в области международных отношений, почтительно относился к голосу своих доверенных советников и приближенных. Через несколько часов после принятия присяги Трумэн созывает своих министров и советников. «Поверьте мне, парни, — обращается он к ним, — луна, звезды, все планеты свалились на меня...»

Среди этих «парней» был один, который лучше, чем другие, знал, какое бремя ответственности легло на нового президента. Военный министр Стимсон был наи-

более информированным человеком в делах «Манхэттенского проекта». Совсем недавно он обсуждал с покойным президентом эффективность атомного оружия. События в мире, приход в Белый дом нового президента вызвали новые заботы военного министра. Стимсон уже в марте 1945 г. считал, что «атомная бомба, как только она будет создана, обеспечит американской дипломатии большую силу». С этого времени, по его мнению, ни один важный вопрос не мог решаться без учета роли атомной бомбы.

Теперь Стимсону предстояло подробно рассказать Трумэну о ходе подготовки, эффективности нового оружия, о дипломатических и политических последствиях использования атомной бомбы. А Трумэн хотел знать многое. Еще будучи сенатором, он, основываясь на слухах, заподозрил, что за расходами на «Манхэттенский проект» скрываются крупные дела. Пользуясь правом председателя сенатской комиссии по обследованию военной промышленности, он отправил в Окридж своих исследователей. В ту пору любопытство Трумэна не было удовлетворено. Военный министр напомнил сенатору его место: «Сенатор, я не могу сказать, что это такое, но это величайшее в мировой истории предприятие. Оно в высшей степени секретно. Многие из тех, кто непосредственно занят в производстве, а также и те, кто не видит необходимости вашего посещения завода, не имеют представления о деле».

Теперь роли переменились. И после первого же совещания в Белом доме 12 апреля 1945 г., когда министры и советники покинули кабинет нового президента, Стимсон остался и доложил Трумэну о работах над атомной бомбой. Глава американского правительства узнал о величайшем секрете, над которым ему ранее не раз приходилось ломать голову. О подробностях президенту было доложено немного позже. 24 апреля Стимсон обратился к Трумэну с просьбой: «Я думаю, что обязан переговорить с Вами как можно скорее... Атомная бомба настолько соприкасается с вопросами нашей современной внешней политики и настолько сильно повлияла на весь ход моих мыслей в этой области, что, я думаю, Вы должны быть обо всем осведомлены без малейшего промедления». Президент согласился принять военного министра немедленно.

25 апреля 1945 г. войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов завершили окружение берлинской группировки противника, а войска 1-го Украинского фронта встретились с 1-й американской армией на реке Эльба. В этот же день на Тихоокеанском побережье США, в Сан-Франциско (штат Калифорния), на улицах собирались шумные людские толпы, повсюду слышался разноязычный говор, — там начинала свою работу одна из крупнейших в истории конференция Объединенных Наций. Свыше 850 делегатов из 50 стран обсуждали проблемы послевоенного мира, будущей международной организации, которая должна была содействовать экономическому и социальному прогрессу, обеспечению равноправия всех людей, уважения к правам человека и основным свободам.

Именно в этот день, утром 25 апреля, Стимсон и генерал Гровс появились в приемной Трумэна. В зале, том солнцем овальном зале состоялась встреча людей, которые в разное время и по-разному служили американскому оружию. Еще до того как молодой Гарри Трумэн стал капитаном артиллерии в период первой мировой войны, Стимсон носил уже погоны полковника и был вхож в Белый дом. Артиллерийский капитан, демобилизовавшийся в чине майора, в кресле президента и бывший полковник на посту министра, генерал, находящийся на действительной службе, теперь мирно беседовали. Может быть, они и не подозревали, что встали на путь принятия одного из наиболее трагических в истории человечества решений. Представленная Стимсоном Трумэну записка начиналась весьма торжественно: «В течение четырех месяцев мы должны, по всей вероятности, закончить работы по созданию самого страшного оружия, когда-либо известного в истории человечества...» В беседе же все выглядело более прозаично. Стимсон не сомневался в успехе экспериментов и не скрывал этого; он предполагал, что атомная бомба будет готова к 1 августа, сообщил о намеченных на начало июня испытаниях в Нью-Мексико «Толстяка» — так окрестили создатели нового оружия свое изделие. По сведениям, которыми располагал военный министр, через месяц после успешного испытания атомная бомба могла быть готова к применению. Наконец, военный министр выразил уверенность: «Бомба будет иметь решающее значение для

определения дальнейших отношений США с другими странами». Он видел в атомной бомбе огромные преимущества перед союзниками в деле решения спорных международных вопросов. В меморандуме Стимсон не считал нужным скрывать возможность создания в будущем атомной бомбы в других странах. 16 мая Стимсон в разговоре с президентом бросил следующую фразу: «Мы, вероятно, должны иметь в будущем больше карт в своих руках, чем сейчас». Именно на этом основывалось его пожелание отложить обсуждение на высшем уровне дальневосточных и европейских проблем; он упорно отстаивал свою точку зрения и перед президентом, и в разговоре с министром иностранных дел Англии Иденом. Но отложить на долгий срок переговоры с Советским Союзом, как это предлагал Стимсон, до того времени, пока не будет взорвана атомная бомба, США не могли. В госдепартаменте внимательно следили за событиями в Европе и Азии.

Советский Союз оказал всемерную помощь и поддержку народам Европы. Трудящиеся Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии в своей борьбе против фашистского ига, за создание независимых народно-демократических государств опирались на могущество первого в мире социалистического государства.

Освобождение от ига фашизма открывало перед народами европейских стран вполне реальные перспективы строительства новой, независимой от мирового капитализма экономики. Освобождение Красной Армией народов Центральной и Юго-Восточной Европы создавало необходимые предпосылки для развития независимых демократических государств. Окрепшие в борьбе с фашизмом коммунистические и рабочие партии европейских стран встали во главе движения за глубокие революционные преобразования, за демократическое строительство новой жизни. Возглавили народные движения известные антифашисты, проявившие мужество и героизм в борьбе с нацизмом.

На политическом небосклоне капиталистической Европы возникали все новые и новые тучи. Битва с фашизмом на Европейском континенте слилась с усилением национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Ведущих представителей европей-

ской буржуазии охватывал ужас при мысли, что вместе с советским солдатом на территории Европы появится и навечно укрепитя власть рабочих и крестьян.

На исходе третьей недели апреля Трумэн и большинство его советников пришли к выводу, что политика Ф. Рузвельта — политика сотрудничества с СССР — должна быть пересмотрена.

23 апреля 1945 г., за несколько часов до встречи с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, Трумэн созвал своих советников для заключительного обсуждения «большой стратегии». Присутствовавший на совещании адмирал Леги заявил: «Пришло время занять твердую позицию по отношению к Советскому Союзу». Президент составил свое мнение, исходя из предположения, что «русские нуждаются в нас (США. — В. В.) больше, чем мы в них». Президент высказался за необходимость строить политические отношения с СССР на новом базисе — «сейчас или никогда!».

Теперь, вопреки международным обязательствам, Трумэн предполагал добиться «ослабления или ликвидации советского влияния в Европе» и осуществления «в Восточной Европе американских политических и экономических планов».

В духе прошедшего совещания был составлен документ «Для информации маршала Сталина» по поводу проблемы будущего Польши. Известно, что в Ялте союзники исходили из того, что польское Временное правительство, пользующееся доверием и поддержкой польского народа, должно быть ядром будущего правительства национального единства. Именно в это время Временное правительство действовало на польской территории. В документе Трумэна Временное правительство Польши рассматривалось не как ядро будущего правительства, а как одна из групп поляков¹. Трумэн говорил, что польский вопрос стал символом будущих международных отношений.

23 апреля Трумэн принял наркома иностранных дел СССР. По мнению очевидцев, американский президент

¹ См.: «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II. М., 1957, стр. 216—217.

изложил свою позицию языком «погонщика мулов из Миссури»: он потребовал, чтобы в освобожденных Советской Армией странах Центральной и Юго-Восточной Европы были созданы удобные для США режимы. Документ «Для информации маршала Сталина» был передан В. М. Молотову.

Среди различных методов, призванных «остановить русских» в Восточной Европе, многими официальными лицами в Вашингтоне упоминались возможности экономического давления. Одним из наиболее рьяных приверженцев подобной политики был американский посол в Москве А. Гарриман. 20 апреля Гарриман, возвратившись из Москвы, встречается с президентом и некоторыми другими членами кабинета. Гарриман требовал «твердости» в отношении к своему союзнику. Трумэн прервал бойкую речь своего посла, заявив: «Я не боюсь русских. Я намереваюсь быть твердым... Я не ожидаю, что они согласятся с нашими предложениями на 100%, однако мы в состоянии добиться их согласия на 85%». В американском президенте действительно проснулся «погонщик мулов из Миссури». Если Советский Союз не пойдет на уступки, говорил он своим советникам, пусть «русские проваливаются ко всем чертям»¹.

Советский Союз достойно ответил на ухищрения лидеров США. «Вы, видимо, не согласны с тем, — писал И. В. Сталин Трумэну 24 апреля 1945 г., — что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство, и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши...

Я готов выполнить Вашу просьбу и сделать все возможное, чтобы достигнуть согласованного решения. Но Вы требуете от меня слишком много. Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопас-

¹ Н. Н. Яковлев. Гарри Трумэн: политический портрет. «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 54.

ности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны»¹.

Гарриман пытался прощупать настроения у государственного секретаря Стеттиниуса и его заместителя Джозефа Грю; встречался со Стимсоном, адмиралом Леги. В конце концов Гарриман пришел к выводу: большинство официальных лиц в Вашингтоне стоит за то, чтобы экономическая помощь была использована с целью «остановить русских» в Восточной Европе. Морской министр Форрестол настаивал на применении более жестких мер давления на Россию.

В Азии, где США вели борьбу с Японией, возникли проблемы, которые ставили в тупик даже наиболее опытных американских политиков. Революционное, освободительное движение в Китае, во Вьетнаме, Бирме, на Филиппинах, в Малайе, Индонезии, Таиланде привело к кризису не только оккупационный режим японских империалистов, а означало сокрушительный удар по колониальным тылам капиталистической Европы.

Весной 1945 г. развернулось широкое антияпонское сопротивление вьетнамских патриотов, к августу была освобождена большая часть Северного Вьетнама, пламя борьбы полыхало в Центральном и Южном Вьетнаме. В Бирме 27 марта было поднято знамя всенародного антияпонского восстания, солдаты Национальной армии Бирмы под водительством Аун Сана повернули оружие против японских оккупантов. Небывало возрос в народных массах авторитет Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС). На Филиппинах в первых рядах борьбы с японскими оккупантами шли партизаны армии Хукбалахап.

Когда в начале 1945 г. армейские подразделения генерала Макартура высаживались на Филиппинах, армия Хукбалахап уже вела генеральное наступление на японские позиции. На Филиппинских островах развернулось широкое демократическое движение, все больший авторитет среди народа завоевывала Коммунистическая партия. Созданный в июне 1945 г. «Демократический альянс» — ядро единого антиимпериалистического фрон-

¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 217—218.

та — провозгласил в своей программе необходимость достижения полной политической и экономической независимости.

Большую роль сыграли коммунисты в освободительном движении народа Малайи. Идеи пролетарского интернационализма находили благодатную почву в среде представителей трех национальностей страны — малайцев, китайцев и индийцев, выступавших с оружием в руках против общего врага. Эмблема трех звезд на знамени малайской освободительной армии говорила о боевом единстве многонационального народа в борьбе против империализма. В 1944—1945 гг. в освобожденных районах Малайи осуществлялись в интересах народа социально-экономические преобразования.

Ялтинские решения, конечно, не означали, что империалистические круги США готовы были отступать в будущем перед силами демократии и социализма, которые возглавлял Советский Союз. Как в государственном департаменте, так и в военном ведомстве США хорошо понимали, что вступление Советского Союза в войну с Японией еще более высоко поднимет авторитет социалистического государства среди угнетенных народов Востока. Боясь, что вступление СССР в войну с Японией будет содействовать росту прогрессивных сил в странах Дальнего Востока, подъему национально-освободительного движения в различных районах Азии, правящие круги США принялись за разработку различного рода проектов, призванных помешать Советскому Союзу осуществить свою благородную миссию, помешать победе демократических сил в Японии, Китае и Корее. В этих условиях Вашингтон стал возлагать надежды на «жесткие меры» по отношению к СССР.

Стимсон предложил, чтобы президент одобрил создание специального временного комитета для подготовки рекомендаций по поводу возможного использования атомной бомбы против Японии и изучения политических последствий использования нового оружия. Трумэн, согласившись с доводами своего министра, 2 мая санкционировал создание Комитета. Одна из проблем, стоявших перед Комитетом, заключалась в следующем: стоит ли делиться с Советским Союзом результатами атомных исследований. Этот вопрос впоследствии вызвал особенно много раздумий у членов Комитета. 4 мая

та — провозгласил в своей программе необходимость достижения полной политической и экономической независимости.

Большую роль сыграли коммунисты в освободительном движении народа Малайи. Идеи пролетарского интернационализма находили благодатную почву в среде представителей трех национальностей страны — малайцев, китайцев и индийцев, выступавших с оружием в руках против общего врага. Эмблема трех звезд на знамени малайской освободительной армии говорила о боевом единстве многонационального народа в борьбе против империализма. В 1944—1945 гг. в освобожденных районах Малайи осуществлялись в интересах народа социально-экономические преобразования.

Ялтинские решения, конечно, не означали, что империалистические круги США готовы были отступать в будущем перед силами демократии и социализма, которые возглавлял Советский Союз. Как в государственном департаменте, так и в военном ведомстве США хорошо понимали, что вступление Советского Союза в войну с Японией еще более высоко поднимет авторитет социалистического государства среди угнетенных народов Востока. Боясь, что вступление СССР в войну с Японией будет содействовать росту прогрессивных сил в странах Дальнего Востока, подъему национально-освободительного движения в различных районах Азии, правящие круги США принялись за разработку различного рода проектов, призванных помешать Советскому Союзу осуществить свою благородную миссию, помешать победе демократических сил в Японии, Китае и Корее. В этих условиях Вашингтон стал возлагать надежды на «жесткие меры» по отношению к СССР.

Стимсон предложил, чтобы президент одобрил создание специального временного комитета для подготовки рекомендаций по поводу возможного использования атомной бомбы против Японии и изучения политических последствий использования нового оружия. Трумэн, согласившись с доводами своего министра, 2 мая санкционировал создание Комитета. Одна из проблем, стоявших перед Комитетом, заключалась в следующем: стоит ли делиться с Советским Союзом результатами атомных исследований. Этот вопрос впоследствии вызвал особенно много раздумий у членов Комитета. 4 мая

были разосланы официальные приглашения членам Комитета на первую встречу. Обязанности председателя Комитета были возложены на самого инициатора этого предложения. Когда Стимсон отсутствовал, его замещал Джордж Гаррисон. Последний успешно совмещал деятельность президента нью-йоркской компании по страхованию жизни с обязанностями специального консультанта военного министра. Членами Комитета также являлись заместитель морского министра США Бард, помощник государственного секретаря Уильям Клайтон и известные ученые Ванневар Буш, Карл Комптон (брат Артура Комптона, президент Массачусетского технологического института) и Джеймс Конэнт. На заседаниях Комитета присутствовали начальник штаба армии США генерал Маршалл и генерал Гровс¹. Вряд ли можно считать, что последнее слово на заседаниях Комитета принадлежало приглашенным туда ученым.

Особым доверием президента пользовался его личный представитель в Комитете Джеймс Бирнс. Бирнс через день после смерти Ф. Рузвельта поведал Трумэну в общих чертах о новом оружии, именно он старался внушить президенту мысль о возросшем могуществе США, позволяющем им «разрушить весь мир». Трумэн высоко оценил напористость своего консультанта, поручив ему проводить «самостоятельное изучение возможных результатов использования атомной бомбы». Бирнс предполагал, что атомная монополия сохранится за США в течение 7—10 лет. В середине апреля Бирнс, подытоживая свои «исследования», сказал Трумэну: «Атомная бомба позволяет США диктовать свои собственные условия в конце войны». 28 мая Бирнс высказался еще более определенно. Он утверждал, что, овладев атомной бомбой и продемонстрировав ее действие, Вашингтон вынудит Советский Союз стать более податливым в Восточной Европе.

С 8 мая по 19 июля 1945 г. Временный комитет заседал 8 раз. Но 31 мая для членов Комитета было особенно трудным днем. Заседание длилось с 10 часов утра до 16 часов 25 минут. Участники обсуждения робко вы-

¹ См.: Лунс Мортон. Решение использовать атомную бомбу (1945 год). В сб.: «Важнейшие решения». М., 1964, стр. 329.

к новому оружию, не может быть передана «России или какой-либо другой стране».

Была и другая точка зрения, расходившаяся с рекомендациями Временного комитета и принадлежавшая заместителю морского министра Ральфу Барду. 27 июня Р. Бард изложил свои соображения в специальной записке, где, в частности, писал: «После конференции трех держав [в Потсдаме] эмиссары Америки могли бы установить контакт с представителями Японии где-нибудь на побережье Китая и сделать представления относительно позиции России, одновременно сообщив им о предполагаемом применении атомной энергии, а также о тех заверениях, которые президент сочтет нужным дать императору Японии, в частности насчет обращения с японским народом после безоговорочной капитуляции»¹. Такая точка зрения также отвечала классовым интересам американской буржуазии, которая видела в атомной бомбе не только средство поражения врага, а и средство устрашения Советского Союза.

По мере того как приближался конец войны, в США обострялась борьба вокруг проблемы использования атомного оружия. В этой борьбе принимали участие видные ученые. В начале войны они горели желанием опередить Гитлера в производстве чудовищного оружия. В основе такого рода пожеланий лежали интересы справедливого дела антифашистской борьбы. В тот момент многие из ученых предпочитали не думать, какой эффект будет иметь атомная бомба. Но в конце 1944 г. — начале 1945 г., когда народы готовы были торжествовать победу над фашизмом в Европе, у многих ученых возникли вполне определенные сомнения относительно того, стоит ли применять атомную бомбу. Среди ученых зрел протест против планов использования бомбы в войне.

Особую активность проявлял венгерский физик Лео Сцилард. В марте 1945 г. он решил подготовить меморандум для президента Рузвельта. В документе было выражено глубокое беспокойство по поводу предполагаемой бомбардировки японских городов атомными бомбами. Сцилард предупреждал: первый взрыв приведет

¹ Цит. по кн.: Герберт Аптекер. Внешняя политика США и «холодная война». М., 1963, стр. 102.

Л. Сцилард. «Как предотвратить катастрофу?»

к атомному соперничеству, к мировой гонке атомного вооружения. Не надеясь целиком на свои силы, Сцилард заручился рекомендацией Эйнштейна, который в своем письме президенту писал, в частности, следующее: «Я понял, что он (Сцилард.— В. В.) сейчас весьма озабочен слабыми контактами между учеными, занятыми атомными исследованиями, и членами Вашего кабинета, ответственными за формулирование политики. В этих условиях я считаю своим долгом представить Вам Сциларда и выражаю надежду на то, что Вы уделите должное внимание этому делу». Несмотря на поддержку Эйнштейна, ученый сомневался в том, что его соображения

дойдут по обычным каналам до президента, а потому решил действовать через супругу Рузвельта — Элеонору. Когда Элеонора Рузвельт назначила день встречи, Сцилард предварительно повидался с Артуром Комптоном, ответственным за работы Чикагской лаборатории. Комптон поддержал основные идеи меморандума и даже выразил надежду на то, что документ благополучно попадет в руки президента и тот, несомненно, обратит на него внимание. Охваченный радужными надеждами, возвратился Сцилард к себе в кабинет после разговора с Комптоном. Значит, можно остановить начало атомной эры, когда есть люди, понимающие всю опасность, которую таит атомная бомба, готовые бороться против применения этого оружия. Нет, такой государственный деятель, как Франклин Делано Рузвельт, должен понять и использовать все свое влияние, чтобы остановить правительство от принятия рокового решения. Размышления Сциларда были прерваны громким стуком в дверь. В дверях стоял Норман Хилберри. «Мы только что услышали по радио — умер президент Рузвельт», — мрачно выдавил он.

Сцилард знал многих, кто помог бы ему встретиться

с Рузвельтом, но Трумэн... Это была загадка не только для ученого-атомника.

После долгих хождений Сцилард, наконец, попал в Белый дом к Коннели — секретарю Трумэна. Коннели внимательно прочитал меморандум и сказал: «Я вижу, это чрезвычайно важное дело», — а затем, поразмыслив, направил ученого к губернатору штата Южная Каролина Джеймсу Бирнсу. Иного выхода не было. Вечерним поездом 27 мая Сцилард направился к Бирнсу в Спартанбург, а 28 мая уже беседовал с ним. Бирнс, ознакомившись с меморандумом, сказал, что Лесли Гровс информировал его об отсутствии у Советского Союза урана. «А поскольку Россия, — продолжал доверенный Трумэна, — не имеет урана, то она и не может принять участия в атомном соперничестве». Ученый, хорошо знакомый с атомными исследованиями в мире, не мог согласиться с подобной точкой зрения. На предложения Сциларда отложить испытания атомной бомбы, Бирнс также ответил отрицательно. Бирнс выходил из себя, когда слышал о возрастании роли Советского Союза в решении европейских дел. «Атомная бомба сделает Россию сговорчивей в Европе», — говорил он. Это говорил человек, которого в конце июня 1945 г. Трумэн назначил на пост государственного секретаря США.

В тот же день, 28 мая, когда Сцилард потерпел неудачу в беседе с Бирнсом, Артур Комптон — начальник Металлургической лаборатории «Манхэттенского проекта» — отправил Гровсу записку, в которой поделился сомнениями относительно использования атомного оружия. «Самым срочным, — писал он, — является вопрос о том, как будет использована первая атомная бомба... Это больше политический вопрос, чем военный. Он впервые в истории человечества реально ставит вопрос о массовом истреблении людей». Дойдя до этого места, Гровс написал на полях: «Воздушные налеты в Германии не носили вполне немассового характера по своим последствиям»¹. Позднее этот аргумент Гровса пришелся по душе многим высокопоставленным американским политикам и ученым, решившим оправдать трагедию Хиросимы и Нагасаки. Тревога Сциларда, Комптона и многих других

¹ Флетчер Нйбел, Чарльз Бейли. На пороге трагедии. «За рубежом», 1963, № 36, стр. 12.

ученых не беспокоила политических деятелей и военных. Сцилард возвращался в Чикаго с пустыми руками.

Но желание продолжать борьбу у ученого не пропало. Он принимал участие в подготовке «Доклада Франка», составил проект петиции президенту, которую подписали 70 ученых. В петиции говорилось об опасности использования атомной бомбы.

Специалисты-атомники, находившиеся во власти страха и тяжелого чувства вины перед человечеством, стремились предотвратить роковое решение правительства США; они вошли в Комитет, созданный специально учеными для изучения социальных и политических последствий использования атомной бомбы. Во главе Комитета встал Джеймс Франк.

Профессор Франк был хорошо знаком с ужасами войны; он на себе испытал муштру армии кайзеровской Германии, где служил в чине капитана во время первой мировой войны. Франк преданно и самозабвенно служил науке, жил надеждой на то, что ее достижения сделают жизнь на земле счастливой. На свои сбережения Франк в свое время создал лабораторию при университете в Геттингене. Сюда, в Германию, приезжали к нему учиться из США видные ученые — физики Комптон и Оппенгеймер. Достижения Франка в области физики были высоко оценены мировой общественностью: в 1926 г. он получил Нобелевскую премию. После прихода Гитлера к власти Франк бежал из Германии.

Итогом работы Комитета, возглавляемого Франком, явился «Доклад Франка». Документ был передан 11 июня в канцелярию Стимсона. Авторы доклада основывались на принципах гуманного отношения к японскому народу; они взывали к благоразумию, просили отказаться от внезапного атомного удара, писали о необходимости выступить с ультиматумом или в крайнем случае дать японцам возможность эвакуировать население из районов, подлежащих атомному удару. Ученые выразили сомнения: одобрит ли американское общественное мнение этот шаг, ставивший США в положение страны, которая первой применит такой жестокий метод уничтожения мирного населения.

24 мая 1945 г. О. К. Брюстер, хорошо знакомый с «Манхэттенским проектом», откровенно писал Трумэну: «Нельзя допускать, чтобы эта штука существовала на

земле. Мы не должны стать народом, который будут ненавидеть и бояться больше всех на земле, какими бы благими ни были наши намерения. Теперь, когда угроза со стороны Германии устранена, мы должны прекратить работу над этим проектом»¹.

Члены Комитета Франка в то же время хотели воспользоваться предоставленной им возможностью и предостеречь американских руководителей. По их мнению, использование такого оружия составляло бы серьезную угрозу для будущего США, ибо Американский континент благодаря высокой концентрации населения становился весьма уязвимым объектом для атомного нападения. Ученые предупреждали: «Все мы, посвященные в современное состояние атомных исследований, живем во власти предвидения внезапного разрушения, угрожающего нашей стране. Это разрушение будет в тысячу раз сильнее для каждого нашего города, чем Пёрл-Харбор».

Гровс и другие военные, одержимые идеей военного превосходства США, всячески преуменьшали возможности других держав в деле освоения нового оружия. Но коллеги Франка справедливо предупреждали: опыт русских ученых в исследовании атома достаточно основателен для того, чтобы повторить наши успехи через несколько лет, даже если мы предпримем всевозможные попытки утаить свои достижения в этой области. Защита человечества зависит от будущей организации мира, от международного соглашения по поводу атомных исследований. Но применение атомной бомбы не могло бы создать благоприятной атмосферы для международного сотрудничества в области атома после войны. «Наилучшая атмосфера для достижения международного соглашения,— считали они,— была бы создана, если бы Америка могла сказать миру: «Вы видите, какое оружие мы имели, но не воспользовались им»².

Среди ученых росли опасения и по поводу того, что частные монополии полностью захватят контроль над производством атомного вооружения. Молодые физики, наивно веря в разум государственных мужей, направили

¹ Флетчер Нибел, Чарльз Бейли. На пороге трагедии. «Зарубежом», 1963, № 36, стр. 12.

² Р. Юнг. Ярче тысячи солнц, стр. 162.

в 1943 г. личному помощнику президента Гопкинсу и министру внутренних дел Икесу послание с просьбой проследить за деятельностью... Дюпонов в Окридже. Просьба, как это часто бывало, возвратилась к Гровсу, а тот строго предупредил на ближайшем совещании руководителей лаборатории: «Им лучше бы спуститься на землю, если они не хотят быть отправленными на Гуадалканал (в район боевых действий тихоокеанского флота США. — В.В.)». Однако это не останавливало ученых: в начале 1945 г. члены группы «Мет Лэб», которым пришлось работать с дюпоновскими инженерами, организовали семинары, в которых приняли участие в основном молодые физики. Тема семинаров затрагивала проблемы будущего использования атомной энергии, использования атомного оружия против Японии и т. д. Душой семинаров стал двадцативосьмилетний Джон Симпсон. Среди ученых созрела идея предварительной демонстрации атомного оружия, чтобы показать мировому общественному мнению, какую трагедию таит атомная бомба для человечества.

Служба безопасности внимательно следила за «брожением умов» в секретных лабораториях. Когда 3 июня 1945 г. ученые Чикагской лаборатории подписывали петицию Трумэну с предложением воздержаться от применения атомной бомбы, офицер службы безопасности Томпсон доложил Гровсу о происходящем. Гровс решил не мешать, но дал указание провести петицию по закрытым каналам. Когда военный министр Стимсон одобрил решение сбросить атомную бомбу на Японию, полковник Николс из Окриджа направил генералу Гровсу коричневый пакет со штампом «П/я 5207, Чикаго, 80, Иллинойс». В этом пакете поконились призывы ученых к Трумэну — остановиться, не идти по пути атомной войны¹. Генерал сумел продержать пакет под сукном. Трумэн так и не увидел этого документа. Было уже поздно, никто из официальных лиц не придавал ни малейшего значения волнениям ученых.

США вступали на путь атомной дипломатии, направленной против Советского Союза, национально-освободительного движения в Европе и Азии.

¹ См.: «За рубежом», 1963, № 36, стр. 13.

Грю терпит неудачу

Весной 1945 г. некоторые государственные деятели США начали решительно вести подкоп под союзнические обязательства на Дальнем Востоке; они поставили под сомнение содержание термина «безоговорочная капитуляция» в отношении Японии, принятого первоначально членами антифашистской коалиции в качестве основы послевоенной дальневосточной политики. Особую активность в этом отношении проявила «японская группировка» в правительстве США. Возглавил ее бывший посол США в Японии Джозеф Грю. В мае 1944 г. Грю был назначен на пост главы дальневосточного отдела госдепартамента. После назначения в конце того же года Стеттиниуса на пост государственного секретаря Грю стал заместителем государственного секретаря.

Джозеф Грю пользовался особым расположением нового президента. Стеттиниус подолгу отлучался из Вашингтона, и делами дипломатического ведомства заправлял фактически Грю. Последний подолгу беседовал с Трумэном, помогая президенту решать сложные головоломки международной политики. Быстрый взлет бывшего посла США в Японии усилил позиции «японской группировки». За кулисами ее деятельности активизировались и американские монополии, тесно связанные в свое время с японским капиталом.

Программа «японской партии» возникла не вдруг, в ее основе лежали интересы американских монополистов, связанных с империалистическими кругами держав оси. «Лучше увидеть США побежденными, чем победившими в войне с помощью других стран, до которых американцам нет никакого дела» — такой лозунг выдвигался наиболее авантюристическими кругами в США.

Уже в начале тихоокеанской войны возник вопрос: заставить ли в будущем Японию безоговорочно капиту-

лизовать? На начальной стадии войны этот вопрос не нашел какого-либо определенного решения в правительственных кругах США. Весной 1942 г. председатель подкомитета безопасности при президентском консультативном комитете Норман Дэвис предложил, чтобы безоговорочная капитуляция рассматривалась как основа послевоенной политики. Предложение Дэвиса тотчас же натолкнулось на энергичное сопротивление со стороны других членов комитета. Конечно, этот протест не обошелся без активной поддержки представителей военного командования. Проекты безоговорочной капитуляции долгое время старались обходить молчанием в Белом доме. Оппоненты Дэвиса не могли смириться с мыслью, что безоговорочная капитуляция будет «означать разрушение Италии, Германии и Японии» и что «единственная нация, которая получит выгоду от этого разрушения, будет Россия». Правящие круги США в то время не желали публично заявлять о необходимости полного и окончательного разгрома Японии, а идея безоговорочной капитуляции не заняла своего места в американской программе послевоенного мира. Пропагандисты в США вели бесконечные дискуссии вокруг будущих американо-японских отношений, выдвигали различного рода туманные предположения. Профессор политических наук университета Джорджа Вашингтона В. Джонстон, видя, какую активность в США проявляла группировка, выступающая за сохранение «сильной Японии» из-за «опасений перед Россией», задавал вопрос: «Должны ли мы сохранить сильную Японию?» Эта группа, как утверждал профессор Джонстон, «видит в сильной Японии, опирающейся на помощь Соединенных Штатов, преграду против возможного распространения в Азии коммунизма, поддерживаемого Россией»¹.

Активная деятельность подобной группы отмечалась уже в первые годы войны на Тихом океане. Успехи гитлеровцев, ожидание нападения Японии на дальневосточные границы СССР питали надежды империалистических кругов США на окончание войны за счет Страны Советов. Идея безоговорочной капитуляции стран оси в качестве основы послевоенного планирования встречала вплоть до

¹ В. Б. Воронцов. Тихоокеанская политика США. 1941—1950. М., 1967, стр. 24—25.

перелома в ходе войны решительное противодействие в среде правящих кругов США.

Победы Советского Союза над гитлеровской Германией, подъем освободительной борьбы во всем мире, усиление антифашистских настроений и среди американского общества способствовали принятию правительством США тезиса о безоговорочной капитуляции. В дальнейшем, в связи с серьезными изменениями в мире в пользу социализма, позиции сторонников пересмотра тезиса о безоговорочной капитуляции по отношению к Японии усилились.

В мае 1945 г. Грю, Стимсон, Форрестол пришли к общему соглашению о необходимости как-то смягчить категорическое утверждение о «безоговорочной капитуляции». Их точка зрения была учтена при составлении наиболее важных правительственных документов. 8 мая Трумэн выступил с заявлением по поводу Японии. В своем заявлении президент США подтвердил намерение его страны продолжать войну до тех пор, «пока японские военные и военно-морские силы не сложат оружия по условиям безоговорочной капитуляции». Уже в этом заявлении содержался открытый призыв: японская армия должна принять «безоговорочную» капитуляцию, исходящую от США. Обращение лишь к армии, а не к правительству ограничивало содержание самого понятия «капитуляция».

Выступление Трумэна положило начало активизации американской пропаганды и тайной дипломатии, имевшей своей целью заключение сепаратного мира с Токио. Полковник американской разведки Захарнас организовал систематические радиопередачи на Японию. Эти передачи хотя и были выдержаны в духе официальных правительственных документов, но в то же время ставили своей целью усилить позиции «умеренных», стремившихся достичь компромиссного мира с США. Американские пропагандисты навязчиво повторяли перед своими слушателями в Японии: капитулировать для Токио было бы гораздо более выгодно перед США до того, как Советский Союз вступит в войну с Японией¹.

24 апреля американский Комитет начальников штабов пересмотрел тихоокеанскую стратегию в духе скорейшего

¹ См.: «История войны на Тихом океане», т. IV. М., 1958, стр. 192.

урегулирования с Японией. Члены Комитета, так же как и их коллеги в области дипломатии, предложили обратиться к Японии с декларацией, в которой ясно и четко было бы сказано, что будущее японцев не означает «национального самоубийства», а лишь связано с организацией правительства, которое подпишет документы о капитуляции.

Грю и его сторонники выступали за сохранение императорской власти в Японии. Грю не признавал в качестве необходимого условия осуществления безоговорочной капитуляции ликвидацию императорской власти в Японии, требовал сохранить трон императора, «особенно если император сможет быть использован американцами в перспективе».

Группа Грю выработала проект специального документа, имевшего целью определить официально позицию США по послевоенному устройству Японии. В проекте, над которым немало потрудился один из подчиненных Грю — Доумэн, там, где говорилось о послевоенном японском правительстве, содержалась следующая фраза: «...сюда может быть включена конституционная монархия при (сохранении) существующей династии в том случае, если миролюбивые нации будут убеждены в том, что такое правительство действительно стремится осуществлять политику мира, которая сделает невозможным распространение в будущем агрессивного милитаризма в Японии»¹.

Утром 28 мая Грю, встретившись с Трумэном, вновь настойчиво убеждал президента принять его формулировки для включения в официальные правительственные документы. А вечером того же дня Гопкинс встречался со Сталиным в Москве; согласно его сообщениям, советская сторона считала необходимым сохранить термин «безоговорочная капитуляция». Сообщение от Гопкинса было получено 29 мая, и в тот же день в Пентагоне, в кабинете военного министра Стимсона, Грю с неослабевающим упорством отстаивал свои идеи перед ведущими американскими лидерами.

В обсуждении проекта Грю приняли участие военный министр Стимсон, морской министр Форрестол, начальник штаба армии Маршалл, начальник Бюро

¹ «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 193.

военной информации Э. Дэвис и другие¹. Свое отношение к проектам Грю эти военные и политические деятели выражали по-разному и с разными мотивировками. Стимсон, казалось, не противился самому духу предложений Грю, но считал, что вопрос о том, как сказать и когда сказать Японии решающее слово, должен быть поставлен в зависимость от атомной бомбы. В интимной беседе, когда наконец улеглись страсти, Стимсон сказал Маршаллу, что «решение отложить официальное обращение к Японии вполне логично, но он вернется к нему еще раз, прежде чем будет использована атомная бомба». Э. Дэвис смотрел на предложения Грю с других позиций. Опыт многочисленных провалов американской пропаганды в Азии, трудности, с которыми сталкивалось Бюро военной информации при провозглашении освободительных целей войны на Тихом океане, заставляли Дэвиса открыто протестовать против самого духа представленного проекта.

В то время как в Вашингтоне лихорадочно искали варианты различных формулировок для официального обращения к Японии и вели по этому поводу ожесточенные споры, в Европе устанавливались непосредственные контакты между враждующими сторонами. Со смертью Ф. Рузвельта многие государственные деятели Японии облегченно вздохнули: им показалось, что правительство США расстанется с «либеральными тенденциями» и возможность заключить «почетный мир» станет вполне реальной.

В апреле 1945 г. в тихом швейцарском городе Берне произошли любопытные события. В Токио стали вдруг получать многочисленные телеграммы из этого города. Эти срочные сообщения шли главным образом из одного источника — от военно-морского атташе в Швейцарии Йошира Фудзимура. Еще совсем недавно Фудзимура встречался со своими коллегами из японского посольства в Германии. Положение Германии убеждало японских дипломатов в неизбежном конце некогда могущественного союзника Токио. Фудзимура, как и многие его коллеги, пришел к выводу о необходимости заключения мира с Соединенными Штатами; он понимал, какая острая борьба ведется у него на родине вокруг проблемы

¹ См.: «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 194.

окончания войны, возможной капитуляции. Своими срочными депешами в Токио японский атташе старался в какой-то мере усилить позиции сторонников скорейшего окончания войны, позиции тех, кто пытался добиться от противников более мягких условий капитуляции и завершения военных действий до вступления СССР в войну на Дальнем Востоке.

Обстановка в Швейцарии благоприятствовала Фудзимуре. В Берне действовала одна из крупнейших международных организаций тайного бизнеса — Банк международных расчетов. Директорами банка были видные нацистские тузы — барон К. фон Шредер из Кёльна, президент Рейхсбанка Вальтер Функ и др. В роли президента банка выступал банкир Уолл-стрита Томас Маккитрик. Там же, в Берне, организовал свою штаб-квартиру один из директоров другого крупнейшего американо-английско-германского банка Шредеров — Аллен Даллес. Но в Швейцарию его привели отнюдь не коммерческие дела: ему было поручено возглавить европейскую сеть американской разведки — Управления стратегической службы (УСС). В роли советника Даллеса по японским делам выступал Уайт, официально представлявший американский банк в Цюрихе. К этим людям и стремился попасть Фудзима; он вместе с двумя своими коллегами установил контакт с Хэком. Для этого не понадобилось серьезных усилий. Хэк, американец немецкого происхождения, с японским военно-морским флотом был связан в течение двадцати лет. Этот японский агент играл не последнюю роль во время переговоров по поводу заключения «антикоминтерновского пакта» в 1936 г. Он оказывал всевозможные услуги находившемуся тогда еще в ранге посла Риббентропу и генерал-майору Ошима. Рвение Хэка было замечено. Он стал пользоваться расположением министра иностранных дел фашистской Германии Риббентропа. Позднее отношение к Хэку со стороны гитлеровского окружения вдруг резко изменилось. Видимо, японский агент стал проявлять непомерное любопытство к делам, для него не предназначенным, и угодил в тюрьму. Друзья в Токио не забыли заслуг своего немецкого информатора. Он был освобожден и провел некоторое время в Японии, затем появился в Швейцарии в роли агента японского военно-морского ведомства.

23 апреля, когда Красная Армия вела бои на последних рубежах фашистской Германии, а американские парни гибли в сражении за Окинаву, Хэк, действуя от имени Фудзимур, посетил агентов разведки Даллеса. Цель первого посещения — выяснить возможность заключения мира между США и Японией. Три дня спустя Хэк и Фудзимур получили просьбу от УСС охарактеризовать письменно японских представителей и преследуемые ими намерения. В ответе Фудзимур представил намерение определенных кругов Японии в виде своего личного намерения содействовать японо-американским переговорам о мире и выяснить точку зрения правительства США по этому вопросу. Познакомившись заочно с Хэком и Фудзимур, Даллес немедленно запросил Вашингтон. 3 мая глава европейской службы разведки США читал уже сообщение госдепартамента. Там содержалась убедительная просьба выяснить по возможности все, что хотят японские представители, не связывая при этом себя никакими обязательствами. 9 мая Фудзимур направил депешу военно-морскому министерству и военно-морскому штабу, затем телеграммы были последовательно отправлены 10, 13, 14, 16, 18 и 20 мая. Третья и четвертая депеши сообщали о концентрации американских и английских войск в Европе и переброске в ближайшем времени советских войск в район Дальнего Востока для выступления против Японии. Фудзимур хотел сказать своим коллегам в Токио: не теряйте времени, соглашайтесь заключить мир, пока Советский Союз не объявил войну Японии. Пятая депеша говорила о богатом опыте Даллеса по тайным переговорам в Северной Италии, содержался намек на возможность воспользоваться этим опытом. К тому же Даллес заслужил доверие в высших правительственных сферах союзника Японии — фашистской Германии. Об этом красноречиво свидетельствовал начальник отдела в разведывательном ведомстве СС Вильгельм Хеттль: «Немецкая секретная служба знала воззрения Даллеса на основные проблемы политики. Эти воззрения... свидетельствовали о его безоговорочной и ясно осознанной ненависти к большевизму»¹.

¹ Л. Безыменский. Некто по имени Аллен Даллес. «Известия» от 30 мая 1960 г.

В самой Японии, в военно-морском ведомстве, поддерживавшем контакты с Фудзимурой, не было единства во взглядах на американо-японские переговоры о мире.

Эмиссары Токио в Швейцарии находили поддержку у главы Бюро по военно-морским делам Хосино, главы военно-морского штаба Томиока, главы Бюро по учебным делам Тагати. Заместители начальника генерального штаба военно-морского флота Тойёда и Онити выступили против переговоров. Отсутствие единства в среде правящих кругов Японии по вопросу окончания войны вызвало определенную нерешительность у японской стороны во время переговоров. Глава Бюро по военно-морским делам, говоря от лица политических деятелей, советовал Фудзимура быть осторожным при переговорах. Когда американцы выразили пожелание вести переговоры с более высокопоставленным лицом, их просьба не была удовлетворена. Переговоры агентов Даллеса с Фудзимурой показали, что США готовы сохранить императорский трон в Японии, японский торговый флот, но были абсолютно против того, чтобы Япония оставила за собой Корею и Тайвань. Упорство японской стороны, стремившейся оставить за собой Корею и Тайвань, оказалось одной из важнейших причин срыва тайных переговоров. В то время как Фудзимура проявлял особую активность в Берне, в Цюрихе и Базеле действовала другая группа японских эмиссаров. Генерал-лейтенант Сейго Окамото объединил свои усилия с официальными японскими представителями в Банке международных расчетов в Базеле — Иосимура и Китакура. С целью подобрать ключи к агентуре Даллеса Иосимура и Китакура обратились с просьбой к шведскому советнику в Банке международных расчетов Джекобсону, который был хорошо известен своей дружбой с членами американского консульства в Базеле. Японские дельцы за дружеской беседой с Джекобсоном изложили разумную с их точки зрения основу для достижения сделки между США и Японией. В качестве необходимого условия соглашения выдвигалось сохранение императорского трона, конституции, интернационализация Маньчжурии, сохранение за Японией Кореи и Тайваня. Джекобсон любезно согласился передать лично Даллесу пожелания японской стороны. Используя свои связи в американском консульстве, пред-

примчивый посредник договорился о встрече с главой европейской службы УСС. 36 часов провел Джекобсон в обществе опытного американского разведчика, после чего вернулся в Базель и привез ответ группе Окамото.

В своем ответе Даллес дал понять, что США в принципе не возражают против сохранения императорской системы в послевоенной Японии, но сослался на необходимость иметь в виду цели, провозглашенные другими державами в борьбе с Японией. Все, что США могли бы сделать, состояло бы в «понимании» того, что императорская конституция будет сохранена при «безоговорочной капитуляции» Японии. Относительно Кореи и Тайваня никаких объяснений не было дано. Окамото, получив такой ответ, попытался вновь выяснить мнение Токио. Но все его попытки оказались бесполезными. А в это время в Берне японские представители уже знали, что Токио не принимает термин «безоговорочная капитуляция».

По дипломатической линии вести тайные переговоры Токио поручило послу Японии в Стокгольме Суэмаса Окамото, а по линии военной — военному атташе при японском посольстве в Швеции генерал-майору Тэранобу Оно. В подготовке к сепаратным переговорам приняли участие ряд лиц, в том числе специальный корреспондент газеты «Асахи» в Стокгольме Есио Эпата и представитель компании «Мицуи буссон» Андзиро Мото. Тезис о необходимости сохранить Тайвань и Корею за Японией содержался и в предложениях, переданных через Швецию американскому дипломату Джонстону. Джонстон ответил, что Корея должна перейти под контроль США.

Всюду — в Берне, в Базеле и в переговорах через Швецию — японские представители настаивали на сохранении Кореи и Тайваня за Японией. Такое единство во взглядах не было случайным. Согласие на «безоговорочную капитуляцию» практически обозначало «потерю для Японии Китая, Кореи, Тайваня, разрушение экономического блока империи, который создавался в течение многих лет». Признание таких условий было равносильно самоубийству для многих представителей правящей Японии. Предложения Японии о сохранении за ней контроля над Кореей и Тайванем подкреплялись широкой пропагандистской шумихой вокруг лозунга

«Япония и Корея, Япония и Тайвань — единое целое». Но этот лозунг, положенный в основу предложений Японии о компромиссном мире, не мог удовлетворить США. В это время четко оформились планы американской оккупации Кореи и установления контроля Вашингтона в этой стране. Тайные переговоры между эмиссаром Токио и агентами Даллеса закончились безрезультатно. В японских правящих кругах по-прежнему открыто говорили об «обороне собственными силами», о «войне на сто лет». Официальная японская пропаганда обратилась к верноподданическим чувствам японских граждан: «Наступило время для священной войны за землю богини Аматерасу и ее земного потомка — императора».

В США не прекращались поиски приемлемых формулировок для обращения к Японии. 12 июня на одной из встреч с государственным секретарем Форрестал вспомнил о неосуществленной идее Грю; он напомнил о необходимости подумать наконец о более приемлемой форме обращения к Японии, о смягчении термина «безоговорочная капитуляция». Грю в это время по-прежнему наседали на президента, пытаясь все же вынудить его провозгласить политические цели США в войне с Японией, американские намерения по отношению к императору. Удобный случай для такого заявления представился, по мнению Грю, в связи с победой на Окинаве. Стеттиниус же считал, что наиболее подходящим моментом для опубликования декларации явится встреча в Потсдаме.

Такая «нерешительность» правительства возмущала Грю: почему мы должны дожидаться? Почему наконец не заявим о своих намерениях? Окончательный ответ он получил утром 18 июня. Трумэн встретился с Грю перед заседанием американского Комитета начальников штабов, посвященным определению тихоокеанской стратегии. Трумэн выразил одобрение планам «японской партии», но добавил, что опубликование обращения следует отложить до Потсдама.

Грю не успокоился. 2 июля его идеи появились в меморандуме Стимсона президенту. «Что касается меня, — отмечал Стимсон, — то я считаю: если указать, что мы не собираемся ликвидировать конституционную монархию при сохранении существующей династии,

то это значительно увеличит вероятность принятия капитуляции»¹.

Англичане и американцы, встретившиеся в Потсдаме, обсуждали необходимость обращения к Японии с призывом о капитуляции. Сторонники смягчения условий «безоговорочной капитуляции» на этих обсуждениях ссылались на возможные большие потери при вторжении на японские острова. Американская разведка ради интересов «японской группировки» Грю подготовила к Потсдаму специальный документ, где отмечалось: «Избежать этого (больших потерь. — В. В.) можно было бы, сохранив в неприкосновенности императорскую систему. В этом случае японцы, возможно, уйдут со всех своих территорий, которые они захватили на Азиатском континенте и на юге Тихого океана, и даже согласятся признать независимость Кореи и практическое разоружение своих вооруженных сил».

Чем же был все эти годы для Японии император, за сохранение трона которого шла ожесточенная борьба в США? Императорская фамилия была акционером крупнейших японских монополий, заинтересованных в гонке вооружений и эксплуатации колоний. Императорская фамилия была крупнейшим акционером Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Миллионы иен лежали на ее счетах в Формозском и Корейском банках. Монополии превозносили миф об императоре, ибо преклонение перед священным троном стало могущественной силой, способной направить миллионы ослепленных японцев умирать за интересы олигархии².

Сдержанность администрации в еще большей степени будоражила сторонников крайних мер. Морской министр Форрестол не жалел усилий для различного рода провокационных выходов против реалистических акций правительства: выступая перед представителями государственного департамента и военного ведомства, он попытался накалить атмосферу. Обращая внимание слушателей на политические цели США в районе Дальнего Востока, Форрестол задавал вопрос: какая страна — Япония или Китай будут выполнять роль «сдерживающей» силы на Дальнем Востоке?

¹ «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 194.

² См.: Марк Гейн, Японский дневник. М., 1951, стр. 185—187.

Грю, чувствуя поддержку военного министра Стимсона в администрации и Гарримана в деловом мире, в спешном порядке вербовал новых сторонников в военном и морском департаменте. Грю, Стимсон, Гарриман настаивали на укреплении режима Чан Кай-ши, на необходимости распространить влияние США на те территории, которые, по условиям ялтинского решения, должны были быть переданы Советскому Союзу, требовали оставить для США постоянные базы на Курильских островах, призывали пересмотреть ялтинские решения, политику США в отношении Китая, Кореи, Индокитая, высказывали, наконец, мысли о необходимости иметь «сильную» Японию на Дальнем Востоке¹.

Но провозгласить тогда эту программу американские политические деятели не решились. То было время побед над силами фашизма и реакции, побед общего союзного дела борьбы против государств фашистской коалиции. Провозглашение тезиса о поддержке императорской власти «сильной Японии», иными словами о поддержке буржуазно-помещичьих правящих кругов в Японии, в корне противоречило тогда духу времени. Сказалась и усилившаяся роль Советского Союза в международных делах. В основе сдержанности президента не могли не лежать и военно-стратегические соображения. К тому же тогда еще не было известно, какой результат дадут первые испытания атомной бомбы. И то обстоятельство, что вступление Советского Союза в войну с Японией могло бы обеспечить разгром японского плацдарма на материке, конечно, не могло не повлиять на решение президента.

¹ Подробнее см.: В. Б. Воронцов. Тихоокеанская политика США. 1941—1950, стр. 154—155.

Роковое решение

События в Европе и Азии вызвали тревогу капиталистического мира. В среде американских и английских политиков росли опасения перед возможным усилением роли Советского Союза в делах на Дальнем Востоке. Раздавались настойчивые голоса приступить к переговорам с Советским Союзом, воздействовать на СССР в случае необходимости силой. В мае эти голоса усилились. В общем хоре особенно выделялся Гарриман. Он пугал Трумэна: «Если конференция (встреча глав правительств) не будет проведена в течение ближайших нескольких недель, то президент окажется намного в более сложном положении через два месяца, чем сейчас». Проявляли нетерпение и в Лондоне. Черчилль также предупреждал: «Дорога каждая минута!» Он считал необходимым для Запада взять инициативу и пригласить И. В. Сталина на переговоры. Черчилль собирался предъявить советской делегации ультиматум. В таком же духе были настроены и американские руководители. Проблема лишь состояла в том, когда собрать конференцию. Трумэн пытался оттянуть встречу в Потсдаме до тех пор, пока не будут получены результаты испытания нового оружия. В ответ на требования начать совещание в верхах Трумэн выдвинул предлог — свою занятость в связи с подготовкой послания к конгрессу о бюджете.

«Секрет (атомного оружия) доминирует над всем, — говорил Стимсон американским руководителям, — однако мы будем знать, располагаем ли мы им или нет, только после встречи. Мы полагаем, что это случится вскоре после нее, однако совершенно невозможно делать большие ставки в дипломатической игре, не имея на руках козырной карты». Самое страшное осложнение, по мнению Стимсона, могло произойти, если к началу

встречи атомная бомба не была бы еще испытана. Поэтому, советовал он, наилучший «образ действия для нас в настоящее время в отношении России — пока затанцевать и молчать».

Трумэн согласился с этой точкой зрения. Совещание было поставлено в зависимость от окончания работ над атомной бомбой. 9 мая Трумэн сообщил Черчиллю о своей готовности поехать в Потсдам в начале июля, т. е. после завершения испытаний атомного оружия. Однако, когда выяснилось, что завершение создания атомной бомбы задерживается на две недели, Трумэн отложил конференцию на этот срок.

Когда Трумэн отбывал в Потсдам на конференцию глав правительств трех держав, приготовления к испытаниям в Аламогордо (Нью-Мексико) были закончены. Находясь на пути в Европу, а затем в первый день своего пребывания в Потсдаме президент горел нетерпением узнать, каковы же результаты испытаний. Перед первой встречей с советской делегацией Трумэн бросил своим помощникам фразу: «Пусть только она взорвется, а я надеюсь на это, тогда у меня будет дубина для этих русских парней»¹.

В Европе 16 июля был понедельник, а в США — воскресный вечер 15 июля. На квартире офицера американской цензорской службы тревожно зазвонил звонок. На линии — офицер службы безопасности «Манхэттенского проекта». Он коротко сообщает: «Утром кое-что свершится на пустынном плато штата Нью-Мексико». Цензорская служба должна была внимательно следить за тем, чтобы государственная тайна не просачивалась на страницы прессы. Этот телефонный звонок еще раз предупреждал цензуру: будьте внимательны.

В пустыне, на северо-западе штата Нью-Мексико, в радиусе на десять миль удалено все живое. А в центре опустошенного района — башня, на ней «Толстяк» — экспериментальная плутониевая бомба, получившая это прозвище в честь Черчилля.

Последнее время Оппенгеймер и его коллеги находились под невероятным давлением: от них требовали

¹ Н. Н. Яковлев. Гарри Трумэн: политический портрет. «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 57.

создать бомбу до совещания в Потсдаме. Теперь они собрались в бункере и томились в ожидании того момента, когда наконец небо просветлеет. Но вот погода установилась, последние приготовления окончены, и помощник Оппенгеймера С. Аллисон начинает обратный счет. Вдруг... земля содрогается от оглушительного взрыва. Столб пламени вознесся ввысь, вспыхивают сотни молний, раскаленный воздух несется по пустыне Аламогордо. В радиусе одной мили все было разрушено.

Генерал Гровс выслушивает мнение специалистов. Кажется, все благополучно. Люди в окрестностях видели сверкнувшее солнце, раскаты грома. Им нужно было объяснить происшедшее, да и цензорская служба была начеку. Гровс одобряет подготовленное для печати коммюнике: «Рано утром в пустынном месте, неподалеку от воздушной базы Аламогордо, взорвался склад боеприпасов. Взрыв был настолько силен, что привлек внимание в Галлопе, на расстоянии 376 км».

Теперь можно ехать в Вашингтон. Гаррисон, возглавляющий во время отсутствия Стимсона Временный комитет, знает уже об успехах Гровса. За подписью Гаррисона в Потсдам идет сообщение: «Оперировано сегодня утром. Диагнозы пока еще не полные, но результаты кажется уже превзошли ожидания... Гровс доволен. Он возвращается завтра в Вашингтон. Я буду держать вас в курсе дела».

Вечером того же дня военный министр получил это краткое сообщение о выполнении намеченных планов. В телеграмме, лежавшей перед президентом, было всего лишь несколько строк: «Рождение детей прошло благополучно». Президент давно ожидал эту телеграмму. На свет появился «Малыш» — так любовно называли свое изделие атомщики Лесли Гровса.

Последующие сообщения о взрыве в Аламогордо превзошли все наиболее смелые прогнозы. Скупые слова говорили о масштабах и силе действия нового оружия — взрыв был слышен на расстоянии 50 миль, а виден — на 250.

Вскоре Лесли Гровс выслал доклад с курьером. 21 июля, около полудня, из Вашингтона в Потсдам прибыл офицер со специальным поручением; он доставил военному министру Стимсону доклад Гровса о результатах первого в истории экспериментального взры-

ва атомной бомбы. Сообщение начиналось торжественно: впервые в истории проведены испытания атомного оружия. Испытания были успешными и превзошли все даже самые оптимистические ожидания. Лесли Гровс сравнивал взрыв атомной бомбы со взрывом 15 000—20 000 т тринитротолуола. И это, добавлял Гровс, по самым скромным подсчетам.

Стимсон давно не видел Трумэна в таком хорошем настроении. Президент, казалось, праздновал победу над всеми своими врагами. Он не скрывал, как отмечали очевидцы, бурной радости. Не смогут ли Соединенные Штаты получить что-либо в обмен на предоставление Советскому Союзу информации о ядерном распаде, нельзя ли использовать атомную бомбу для того, чтобы «сделать русских более сговорчивыми, например, по вопросу о судьбе Польши, Румынии, Югославии, Маньчжурии»? В специальном меморандуме Стимсон уделил особое внимание использованию атомного преимущества США для изменения советской политической системы как основного условия ознакомления с информацией об атомных исследованиях. Гарриман не верил, что Советское правительство примет подобные условия. На следующей встрече с советскими представителями Трумэн готов был ринуться в бой с открытым забралом: он категорически отказался признать правительства Румынии и Болгарии, «пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным».

Не без чувства гордости сообщили обладатели первой в мире атомной бомбы о своем успехе союзникам. 17 июля к Черчиллю заехал Стимсон и положил перед премьером небольшой клочок бумаги, где было начертано сообщение о благополучном рождении «Малыша». «Это значит,— сказал Стимсон Черчиллю,— опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана».

«Теперь я знаю, что произошло вчера... — заявил Черчилль. — По прочтении доклада об испытаниях на совещание явился другой человек. Он говорил русским, что они могут и что не могут, и вообще руководил всем обсуждением». Сейчас, добавил Черчилль, он понимает причины бодрости Трумэна и также ощущает ее¹.

¹ См.: Н. Н. Яковлев, Гарри Трумэн: политический портрет, «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 58.

Один из первых вопросов, на которые британский премьер хотел дать свой ответ, состоял в следующем: «Будут ли нужны русские?» «Вы больше не имеете права колебаться, — сказал Черчилль Трумэну. — Только таким образом мы сможем избавить человечество от войны. Таким образом мы добьемся капитуляции японцев прежде, чем Россия вступит в войну на Дальнем Востоке»¹. Через несколько дней Черчилль говорил своему министру иностранных дел Идену: «Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне с Японией». У Черчилля и его английских коллег не возникало не единого сомнения в том, следует ли применить атомную бомбу. По этому поводу у англичан и американцев существовало трогательное единодушие. Английская сторона поспешила дать свое согласие на использование атомной бомбы 4 июля, т. е. до того, как состоялось испытание.

Но как сообщить об этом И. В. Сталину, приехавшему в Потсдам? Сделать это письменно или устно? Сделать это на официальном заседании или просто мимоходом, в перерыве во время работы? Последнее больше импонировало президенту. Трумэн сказал Черчиллю: «Я думаю, что мне следует просто сказать ему после одного из наших заседаний, что у нас есть совершенно новый тип бомбы, нечто совсем из ряда вон выходящее, способное, по нашему мнению, оказать решающее воздействие на волю японцев продолжать войну». Премьер согласился с этим планом, но при этом выразил решимость не раскрывать никаких подробностей.

После одного из пленарных заседаний главы правительств вышли к своим машинам. Трумэн решил проверить реакцию Сталина на сообщение об атомной бомбе и сказал ему о новом оружии, обладающем «огромной разрушительной силой». Президент предпочитал не упоминать при этом разговоре слово «атом». Черчилль стоял тогда от Трумэна и Сталина, как он сам говорил, в «ярдах пяти» и внимательно наблюдал за беседой. «Ну, как сошло?» — спросил он после беседы Трумэна. «Он не задал мне ни одного вопроса», — ответил президент.

¹ Цит. по журн.: «За рубежом», 1965, № 32, стр. 28.

Главы правительств США и Англии думали над тем, какой психологический эффект произведет на противников и союзников само применение атомного оружия. Предполагать, будто атомная бомба решит исход войны, было не только преждевременно, но и неблагоприятно, ибо даже специалисты утверждали, что только для обеспечения десанта на японских островах необходимо девять атомных бомб. В США же их было в то время лишь две. Военных стратегов и политиков одолевали тяжкие сомнения: вряд ли можно поставить на колени Японию, используя скромные запасы атомного оружия, сокрушить ее мощные вооруженные силы на материке. Сам Трумэн придерживался тех же взглядов. Впоследствии он откровенно писал в мемуарах, что руководящие деятели США не верили в возможную капитуляцию Японии в результате применения атомных бомб и продолжали добиваться участия СССР в войне на Тихом океане.

В Потсдаме усиленно обсуждался доклад Объединенного разведывательного комитета о положении Японии. Высшие военные специалисты США и Англии, ознакомившись с докладом, склонялись к мысли о том, что вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке может окончательно вынудить Японию к капитуляции. Они опасались, и не без оснований, упорного сопротивления японской армии на собственно японских островах и предполагали, что Квантунская армия сможет не только удерживать в течение длительного времени плацдармы в Маньчжурии, но и перебазироваться в Японию, «если только Россия не вступит в войну и не вовлечет эту армию в бой»¹.

Ради осуществления главной после капитуляции фашистской Германии задачи — разгрома милитаристской Японии — союзники готовились мобилизовать все имеющиеся в их распоряжении ресурсы. И речь, конечно, не шла лишь о двух атомных бомбах, практическое использование которых еще вызывало столько сомнений среди многих военных специалистов США. Когда на третьем заседании в Потсдаме встретились Черчилль, Трумэн и Сталин, то между американским президентом

¹ А. М. Дубинский, Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, стр. 528.

и главой Советского правительства состоялся следующий диалог:

Трумэн. ...Я был бы очень рад, если бы все корабли германского торгового флота были направлены для ведения войны против Японии.

Сталин. А если русские будут воевать с Японией?

Трумэн. Разумеется, русские могут претендовать на третью часть флота, которая будет им затем передана. Об этом можно договориться.

Сталин. Нам важен принцип¹.

Из этого диалога следует, что уже после того, как Трумэн узнал об успешном испытании атомной бомбы, заинтересованность американской стороны в участии Советского Союза в войне против Японии не исчезла.

26 июля 1945 г. от имени США, Англии и Китая была опубликована Потсдамская декларация, содержащая призыв к Японии о капитуляции. В общие политические принципы включались основные положения Каирской декларации, опубликованной от имени США, Англии и Китая в 1943 г. Отмечалась необходимость следовать духу Каира, лишить Японию всех плодов агрессии, восстановить целостность Китая и независимость Корей.

Документ, провозгласивший гуманные цели войны на Тихом океане, англо-американские союзники спешили опубликовать 26 июля, ибо в будущем одностороннее обращение к Японии они рассчитывали использовать в случае вступления в войну на Тихом океане СССР, чтобы завоевать больший вес при решении послевоенных проблем Дальнего Востока. Государственных деятелей США и Англии захлестывала антисоветская лихорадка; их думы теперь были направлены на то, как успеть раньше Советского Союза оккупировать основные стратегические пункты на материке, прежде чем Вооруженные Силы СССР и Народно-освободительной армии Китая выступят на основные рубежи.

В день опубликования декларации в Потсдаме морской министр Форрестол встретился с государственным секретарем Бирнсом. После встречи Форрестол записал в своем дневнике: «Бирнс сказал, что он очень хочет

¹ «Тегеран. Ялта. Потсдам». Сборник документов. М., 1967, стр. 184.

покончить с японским делом до того, как в Японию вступят русские; в частности, он упомянул Дайрен и Порт-Артур. Он считал, что после того, как они войдут туда, их нелегко будет заставить уйти»¹.

Объединенный комитет начальников штабов после недолгих раздумий принял к руководству подготовленный в канун опубликования Потсдамской декларации план адмирала Ниммица, в котором отмечалась необходимость осуществить прежде всего оккупацию «Токийской бухты и других важнейших объектов Дальнего Востока». Все командующие вооруженными силами США на Дальнем Востоке получили указания о последовательности оккупации на материке: вооруженные силы США должны были занять Шанхай, Пусан, Яньтай, Циньхуандао. Объединенный комитет начальников штабов поручил осуществить оккупацию Сеула и Даляня до того, как «русские придут туда». В основу такого решения были положены инструкции Трумэна.

Несмотря на серьезные предупреждения, высказанные авторами Потсдамской декларации, японское правительство продолжало игнорировать предложения о капитуляции. Более того, лидеры японского кабинета пытались указать на нереальность этой декларации. Премьер-министр Японии Судзуки в выступлении по радио 28 июля 1945 г. дал следующую оценку Потсдамской декларации: «Я думаю, что она представляет не более как переработку декларации Каирской конференции. Я не думаю, что она имеет какое-либо значение для японского правительства. Мы будем ее лишь игнорировать. Мы решительно пойдем вперед по пути полного завершения войны». Пытаясь принизить эффект Потсдама, он утверждал также, что Потсдамская декларация является лишь «пропагандой»².

Японское правительство ожидало, когда же наконец во внешнеполитическом курсе США и Англии возобладает позиция наиболее реакционных деятелей, готовых сохранить сильную Японию в качестве «противовеса» Советскому Союзу.

¹ Цит. по кн.: Герберт Аптекер. Внешняя политика США и «холодная война», стр. 101.

² Цит. по кн.: Д. И. Гольдберг. Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг. М., 1962, стр. 249.

...Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур ожидал с тревогой вестей с Потсдамской конференции.

Еще 12 апреля Маршалл просил Макарута высказать свои пожелания по проблемам тихоокеанской стратегии. Маршалл доверительно сообщал генералу о существовании в верхах двух точек зрения по этому вопросу. Сторонники одной точки зрения выступали за длительные приготовления к операциям широкого масштаба, предполагали высадку и закрепление в Шандуне, Корее или на островах Цусимского пролива. Этот план предполагал изоляцию Японии от материка и капитуляцию противника без вторжения на территорию метрополии. Осуществление основных операций при этом варианте намечалось к 10 декабря. Сторонники второго варианта исходили из необходимости вторжения на территорию Японии к концу года. При этом варианте «вступление России в войну на Тихом океане, — писал Маршалл, — будет предпосылкой высадки на японских островах в декабре с. г.». Последнего больше всего боялся Макартур. В ответе Маршаллу генерал Макартур не упомянул ни словом о возможном вступлении Советского Союза в войну с Японией. Он настаивал на необходимости вторжения в Японию с предварительным окружением японских островов. Первый удар, по мнению Макарута, после закрепления на островах Рюкю нужно было нанести по острову Кюсю. «Если взятие Кюсю будет отложено, то операции по оккупации Хонсю потребуются, возможно, перенести на 1947 г.». Эта точка зрения и была положена в основу планов вторжения в Японию; последние предусматривали высадку десантов на острове Кюсю 1 ноября 1945 г. («операция Олимпик») и через 5 месяцев — высадку на остров Хонсю («операция Коронет»).

Через некоторое время перед Макарутом лежал готовый план вторжения на территорию Японии: авианосцы должны были поддерживать силы вторжения, орудия двадцати четырех кораблей непрерывно обстреливать побережье. Для прикрытия предназначались 212 эсминцев, 183 конвойных корабля. Первым эшелоном должны были выйти 6 пехотных дивизий, через два дня вторым эшелоном — еще две дивизии, в резерве — четыре дивизии. Всего под прикрытием авиации и ар-

тиллерии в десантных операциях должны были принять участие 766 600 человек¹.

25 мая директивы комитета начальников штабов об операции на Кюсю были переданы Макартуру, Нимицу и Арнольду.

На совещании у Трумэна 18 июня, еще до Потсдамской конференции, планы дальнейших операций были в основном одобрены, и Макартуру не пришлось обвинять правительство в излишних колебаниях на этот счет. Его опасения были связаны с другим. 21 июля Макартур (так же как и Нимиц) получил информацию о том, что, по мнению комитета начальников штабов, Советский Союз вступит в войну на Тихом океане. Тогда же Макартуру сообщили, что в правительстве усилились голоса за необходимость предпринять неотложные акции с целью добиться капитуляции Японии до того, как Советский Союз вступит в войну.

Опасения Макатура оправдались, когда с докладом об итогах Потсдамской конференции к нему прибыл офицер связи Вильям Ритше. Генерал теперь настороженно воспринимал согласие своего правительства на участие Советского Союза в войне с Японией. Обращаясь к Ритше, он беспрестанно спрашивал: «Что еще? Какие уступки еще сделаны России?» После того как Макартур наконец понял, что Советский Союз дал свое твердое согласие на участие в войне на Тихом океане, его заинтересовали детали, связанные с участием СССР в войне против Японии. Его особенно волновал вопрос, когда и где Красная Армия начнет свое наступление.

Непосредственное отношение к деятельности штаба Макатура на Тихом океане имели и другие решения Потсдамской конференции. Американское командование видело, насколько опасными для позиций империализма в Азии становятся народные выступления в различных районах Азии, начало которым положила анти-японская борьба. Эти выступления грозили похоронить колониальные порядки, ликвидировать политическую зависимость от чужеземцев на Филиппинах, в Индонезии, Китае, Индокитае и других странах. Как остано-

¹ См.: «Хиросимская трагедия». «За рубежом», 1955, № 32, стр. 26.

вить этот процесс? Ради этого, по мнению американских политиков, необходимо было сплотить силы мирового империализма, необходимо было поступиться интересами отдельных монополистических группировок в Азии, отодвинуть на задний план расхождения среди национальных и межнациональных группировок капитала и направить единый бронированный кулак против национально-освободительного движения в Азии, за восстановление угодных империализму порядков в этом районе мира.

На деле это ярко проявилось в разделе сфер «интересов» на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии. И в Вашингтоне, и в Лондоне горячо приветствовали любой компромисс между империалистическими державами. Официальное воплощение подобного рода идеи получили в 1943 г. в создании двух ясно разграниченных районов на Тихом океане. Один — под командованием английского адмирала лорда Маунтбеттена, созданный на основе «ответственности Британской империи при сотрудничестве с Португалией, Голландией и возможно впоследствии с Францией». Другой — район Тихого океана относился к командованию США, «несмотря на вклад Китая и возможно России в войну на Тихом океане».

Командование лорда Маунтбеттена распространилось до Борнео и Целебеса. Макартур внес солидный вклад в дело «стабилизации» положения в Юго-Восточной Азии. Это благодаря его усилиям начались гонения на антияпонские отряды хуков на Филиппинах, это его заботе была обязана своим возвращением в Индонезию голландская администрация, с его помощью австралийцы вернулись в свою колонию — Новую Гвинею. Такая деятельность Макартура поощрялась в Вашингтоне, ибо там понимали: судьбы капиталистической Европы во многом зависят от положения в Азии. Поражение западноевропейского колониализма в Азии расценивалось тогда американскими политиками как подрыв благополучия капиталистической Европы.

Почему же вести из Потсдама о скором вступлении Советского Союза в войну на Тихом океане так взволновали генерала? Да потому что вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке должно было приблизить победу национально-освободительных сил над

империализмом. Недаром американский генеральный штаб требовал внимательно следить за «политическим эффектом» тех или иных военных решений. А военное министерство не скрывало своего беспокойства по поводу того, что «Россия способна нанести поражение Японии и занять Сахалин, Маньчжурию, Корею, Северный Китай, прежде чем вооруженным силам США представится возможность оккупировать эти районы».

Сразу же после Потсдама военное командование США стало поторапливать подчиненные ему звенья в исполнении приказов о переброске американских войск в ключевые порты Китая. Генерал Ведемейер, проклинавший всех союзников США, попытался играть роль няньки при Чан Кай-ши. Он внимательно обсуждал с ним проблемы помощи гоминдановцам в овладении районами, которые находились в руках японцев. Обещания американских друзей питали иллюзии и величайшую самонадеянность генералиссимуса без армии. Он, например, не скрывал своих карт перед Ведемейером, когда говорил: «Своевременный захват Пусана способствовал бы установлению китайского контроля в Корее».

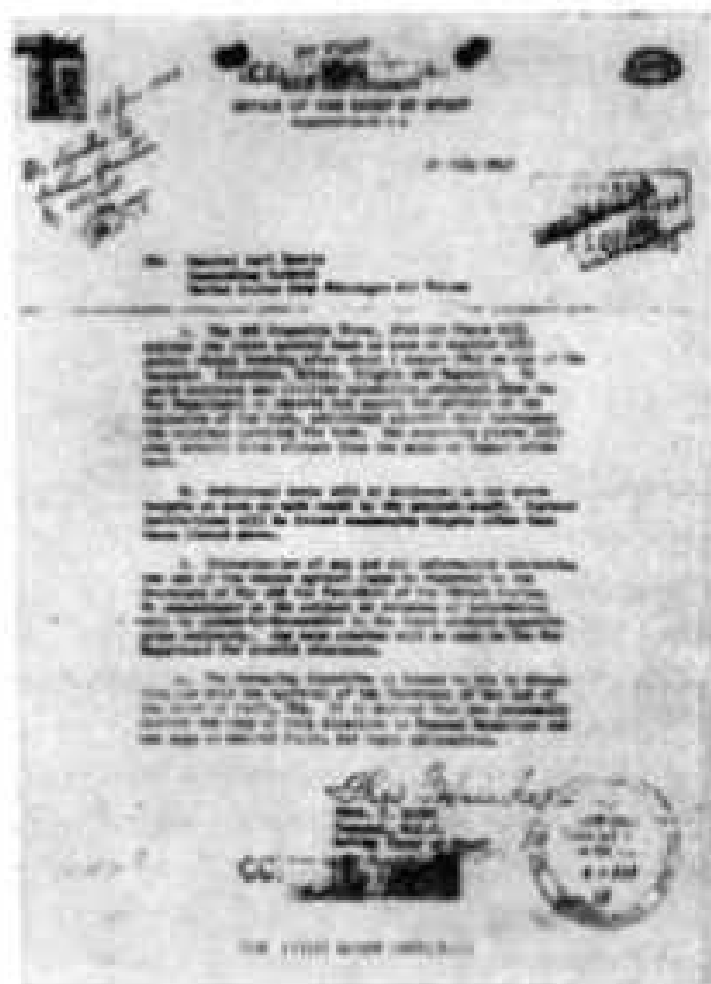
Это были не пустые слова. К установлению своего контроля в Корее Чан Кай-ши готовился долгое время. Американские и китайские доллары шли на финансирование различных корейских эмигрантских организаций в Китае. Своей щедростью гоминдановцы хотели купить право хозяйничать в послевоенной Корее. Такого же рода иллюзии питали в Чунцине и в отношении Индокитая. С нескрываемой радостью встретили гоминдановцы решение, предоставлявшее им право временно оккупировать Индокитай севернее 16-й параллели (на юге согласно договоренности должны были высадиться английские войска). Планы гоминдановцев импонировали американским политикам, ибо, по мнению последних, Вашингтон мог в будущем умело использовать зависимость Чунцина от США для усиления своего влияния на Азию. Встречи Ведемейера с Чан Кай-ши отражали классовое единство правящих кругов США и гоминдановской реакции против освободительных сил китайского и корейского народов, национально-освободительного движения в Азии.

Другой не менее важной в международно-политическом плане и непосредственно связанной с перспекти-

вой вступления Советского Союза в войну стала проблема послевоенного устройства Кореи. Советский Союз выступил против пребывания каких-либо иностранных войск на территории Кореи. И это хорошо было известно Стимсону. Но военный министр США требовал от президента позволить сухопутным войскам и частям морской пехоты оккупировать Корейский полуостров. Но как отстранить Советский Союз от участия в решении послевоенных проблем Кореи? Для этого американские военные специалисты предлагали своей делегации в Потсдаме прибегнуть к излюбленному ходу американской дипломатии. «Военные операции в Корее могут включать высадку с моря и одновременно наземное вторжение из Сибири. Поэтому, а также по политическим причинам было бы желательно, чтобы Корея считалась объединенной зоной операций и находилась под единым союзным командованием». Иными словами, предлагалось под флагом единого союзного командования добиться наиболее выгодных для себя результатов и постепенно установить полный контроль в стране. Одна из рекомендаций к Потсдаму военного департамента, одобренных Координационным комитетом государственного, военного, морского департаментов и Объединенным комитетом начальников штабов, касалась Кореи. В ней, в частности, предусматривалась капитуляция японских войск в Корее перед советскими войсками севернее 38-й параллели, а южнее — перед войсками США. Это положение и было затем зафиксировано в протоколах Потсдамской конференции союзников.

Вступление Советского Союза в войну с Японией вызывало немало существенных осложнений в стане реакции. Империалистическая дипломатия вынуждена была маневрировать, идти на всевозможные уловки, на ничем не прикрытую ложь. В условиях лихорадочных поисков благоприятного для США окончания войны на Тихом океане, в обстановке нервозности и политического лицемерия американские политические деятели приняли решение, которое стало роковым в глазах поколений, вписало позорную страницу в историю США.

24 июля в Потсдаме Трумэн и Черчилль встретились с генералом Маршаллом и генералом Арнольдом. Генералы объяснили главам правительств США и Англии выработанный в Вашингтоне Гровсом, Спаатсом и

Приказ об атомной бомбардировке. С этого приказа началась трагедия Хиросимы.

**«ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО
УПРАВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА
ШТАБА**

Генералу Карлу Спаатсу,
командующему стратегическими
воздушными силами армии США

1. Примерно после 3 августа 1945 года и как только условия погоды позволят визуальную бомбардировку, 509-я сводная группа 20-го соединения военно-воздушных сил сбросит свою первую специальную бомбу на один из объектов — Хиросиму, Кокуру, Ниигату и Нагасаки. Бомбардировщик с бомбой будет сопровождаться самолетами с военными и гражданскими научными

Хэнди (исполнявшим обязанности начальника штаба в отсутствие Маршалла) план атомной бомбардировки. В предложениях по плану четыре цели — Киото, Хиросима, Кокура, Ниигата. Стимсон в этой беседе проявил несвойственную для военного министра чувствительность к судьбе памятников японской национальной культуры: он попросил исключить из списка целей Киото — «город-храм». Трумэн согласился, и Киото, был помилован. Трумэну был уже известен и приказ, подготовленный Гровсом и Пентагоном. 24 июля вечером в Потсдаме он был утвержден Трумэном.

Вашингтон 25, Д. С.
25 июля 1945

сотрудниками из военного министерства, которые будут наблюдать и фиксировать результаты взрыва бомбы. Самолеты с наблюдателями будут держаться на расстоянии нескольких миль от места взрыва бомбы.

2. На указанные выше цели будут сброшены дополнительные бомбы, как только их изготовит проектирующий их штаб. Последующие инструкции будут даны относительно объектов, помимо упомянутых выше.

3. Распространение полной или частичной информации об использовании данного оружия против Японии является исключительным правом военного министра и президента Соединенных Штатов. Никакие коммюнике и сообщения по этому вопросу не должны делаться местным командованием без особой предварительной санкции. Вся информация для печати будет пересылаться в военное министерство для специального разрешения относительно ее опубликования.

4. Настоящая директива направляется вам по указанию и с одобрения военного министра и начальника штаба США. Желательно, чтобы вы лично передали один экземпляр данной директивы генералу Макартуру и другой — адмиралу Нимицу в целях их информации.

Генерал Т. Т. Хэйдн,
исполняющий обязанности начальника штаба»¹.

Оригинал приказа об осуществлении атомной бомбардировки Спаатс получил в Пентагоне 25 июля и в этот же день вылетел на Марианские острова руководить операцией.

Трумэн полностью отдавал себе отчет в том, что атомный взрыв будет означать огромный материальный ущерб и невиданные человеческие жертвы. В этот момент нужно было проявить особую решимость, чтобы сказать: «Нет!» Но, как говорил сам президент, он оказался «в положении мальчишки, брошенного в стремительно летящие сани». Трумэн сказал: «Да!» В тот же день, 24 июля, приказ пошел 509-й группе. Еще до опубликования Потсдамской декларации, которая провозгласила гуманные цели войны, секретный приказ об использовании атомной бомбы уже находился в пути.

¹ «Международная жизнь», 1961, № 5, стр. 135.

Взрыв над Хиросимой

Гровс и его коллеги не дожидались решения правительства. Весной 1945 г. уже действовала специальная группа для определения объекта нападения с использованием атомного оружия. Специалисты из группы — математики, метеорологи, физики — исследовали все до мельчайших подробностей. Их интересовали возможные условия погоды, рельеф местности, количество деревянных домов и каменных зданий. Избранные объекты должны были оставаться вне зоны обычных бомбежек американской авиации, дабы в будущем с максимальной достоверностью определить эффект атомного удара.

В списке первой непосредственной жертвы атомной стратегии второй мировой войны появилась Хиросима — город, который никогда не был и не мог быть военным объектом.

Среди узкого круга высокопоставленных военных, знакомых в общих чертах с «Манхэттенским проектом», был и генерал Арнольд — глава армейских воздушных сил. Генерал Гровс довел до его сведения некоторую информацию о своих делах, ибо от генерала Арнольда во многом зависело использование атомного оружия на практике.

1 июня 1943 г. была сформирована 58-я эскадрилья бомбардировщиков и дислоцирована на военном аэродроме Мариетта в штате Джорджия неподалеку от завода, где создавали «Б-29». Предстояло перестроить самолет для несения необычной бомбы. В сентябре 1943 г. отобрали «Б-29», последнюю модель тяжелого бомбардировщика. Но кому поручить первую в истории атомную бомбардировку? На кого можно положиться в сложном и деликатном со всех точек зрения деле? У кого, наконец, выдержат нервы и кто наберется смелости взять на себя вину за непосредственное испол-

нение чудовищного преступления против человеческой морали? Над этими вопросами немало пришлось подумать генералу Арнольду. В конце концов он назвал полковника Поля Тиббетса. Этот летчик служил в 97-й бомбардировочной эскадрилье «летающих крепостей», принимавшей участие в налетах на Германию. Тиббетс отличился во время боевых действий под Регенсбургом и Швейнфуртом. Молодой полковник хорошо зарекомендовал себя и при исполнении обязанностей личного пилота генерала Кларка, а затем и генерала Эйзенхауэра. Поль Тиббетс по-деловому отнесся к порученному делу. Прежде всего он подобрал людей, на которых мог положиться. Среди них были его соратники по боям в Европе — бомбардир Феррби и штурман Ван Кирк. Бомбардировщику «В-29» Тиббетс дал имя своей матери («Энола Гэй»). Подразделение Тиббетса в сентябре было переброшено в Вендовер, где и стало играть роль ядра особого соединения.

2 сентября 1944 г. полковник Тиббетс появился в Колорадо-Спрингс, где по-хозяйски действовал командующий вторым соединением военно-воздушных сил генерал-майор Ю. Энт. Там и произошла встреча Тиббетса с офицером военно-морского флота, капитаном Вильямом Парсонсом. После десяти лет службы на кораблях Парсонс получил направление в научно-исследовательское управление военно-морского флота, как военный специалист много работал над проблемами развития радарной техники, принимал участие в осуществлении «Манхэттенского проекта». Парсонс будет играть немаловажную роль в планировании операций. Тиббетс выбрал для тренировочных полетов Вендовер. Там собрались офицеры особого подразделения для получения первых, наиболее важных инструкций. К ним и обратился полковник Тиббетс. «Мне приказано сформировать группу, — сурово говорит он внимательно слушающим его офицерам, — которую можно послать всюду и которая может выполнять операции везде, не будучи ни от кого зависимой. У нас будет свое техническое обслуживание, свои транспортные соединения, даже своя собственная военная полиция. Мы будем делать все сами, и то, что мы обязаны делать, должны знать только мы одни... Я считаю нужным, чтобы вы знали, что наш «беби», которого мы здесь будем испытывать.

сократит срок окончания войны по крайней мере на полгода, если испытание пройдет успешно»¹. Какое оружие подразумевалось под ласковым наименованием «беби», никто из слушателей не знал.

В декабре 1944 г. Тиббетс закончил обычные тренировки экипажа, началась подготовка к выполнению специального задания. 15 декабря Тиббетс докладывает в штаб: группа в состоянии боевой готовности — пятнадцать самолетов, пятнадцать обученных экипажей ожидают приказа. 17 декабря соединение получило наименование 509-й сводной группы. Но и в это время никто из коллег Тиббетса не ведал, какое задание предстоит выполнить 509-й группе. Только командир в общих чертах знал о новом секретном оружии, но делиться с кем-либо об этом не имел права. В апреле 1945 г. 509-я группа, которой было поручено ввести в действие новое оружие, подвела итоги своей работы. 6 мая, за три недели до того, как собрался Временный комитет, призванный оценить целесообразность использования атомной бомбы, первая группа обслуживания 509-го подразделения была доставлена морем на остров Тиниан, затерянный в водах Тихого океана. Начальник штаба 20-го соединения военно-воздушных сил на Марьянских островах, молодой генерал Норстэд² давно был в курсе дела. Он должен был содействовать успеху операции. 18 мая вторая часть группы приземлилась на том же острове, а 29 мая, т. е. за три дня до того, как встретился Временный комитет, на Тиниан прибыл и основной эшелон обслуживания.

Остров Тиниан с его буйной растительностью казался летчикам — ветеранам и новичкам райским садом. В этом удивительном уголке Океании 509-я группа коротала дни, ожидая последнего приказа. Коллеги полковника Тиббетса, находясь в неведении о том, что им предстоит сделать в скором будущем, беспечно играли в покер, потягивали пиво, почитывали комиксы. Атмосфера особой секретности тем не менее не покидала Тиниан, а воинственный дух вдохновил местного поэта, и он писал:

¹ «Международная жизнь», 1961, № 5, стр. 131.

² В 1956—1962 гг. Норстэд был верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

В лазурное небо
 поднимается самолет.
 Куда идет он? Никто
 не знает...
 Завтра он должен вернуться.
 Не спрашивайте, где он был
 и что делал.
 И ничего такого
 не спрашивайте,
 Если не хотите познакомиться
 с тюрьмой.
 Но верьте тому, кто знает,
 о чем он говорит:
 509-я выигрывает,
 выигрывает войну¹.

В этой обстановке скрытых покровом глубокой тайны приготовлений, соседствовавших с бездельем и беспечностью, мало кто мог предположить, что участники 509-й группы готовят событие, которое станет величайшей трагедией XX века.

16 июля, когда прибывший в Потсдам Трумэн находился уже во власти предстоящих переговоров с Черчиллем и Сталиным, а на пустынном плато северо-запада штата Нью-Мексико начинались испытания «Толстяка», из Сан-Франциско вышел тяжелый крейсер «Индианополис» и взял курс на Марианские острова. Командир корабля не знал, какой груз ему приказано доставить на Тиниан. Он лишь смутно догадывается, что и его корабль вносит свой вклад в использование Соединенными Штатами какого-то нового вида оружия. На борту корабля каркас «Малыша» и, что уже совсем трудно заметить, — маленький свинцовый цилиндр. В каюте корабля около цилиндра неотлучно дежурят инженер Принстонского университета Р. Фурман и врач Нолен из Лос-Аламоса. Стоимость цилиндра — около 300 млн. долларов. В нем — уран-235².

На Тиниане, недалеко от Норт-Филда, в специальном цехе, сразу же после прибытия «Индианополиса» началась сборка «Малыша». Руководил сборкой профессор Норман Рамсей. Бомба была готова к 31 июля. Тотчас же приступили к сборке «Толстяка» — второй бомбы. Вес первой бомбы — немного более 5 т. Взрыва-

¹ «Хиросимская трагедия». «За рубежом», 1965, № 33, стр. 24.

² См.: «Хиросимская трагедия». «За рубежом», 1965, № 32, стр. 29.

тель должен сработать на высоте 555 м от цели. В «Малыше» находилось 20 кг расщепляющегося вещества.

Четыре дня спустя после доставки на Тиниан специального груза «Индианополис» подвергся нападению японцев. Японские торпеды угодили в борт крейсера, погибло много моряков. Случайность? Да. Но если бы это случилось раньше, то мир действительно мог бы наступить и без разрушения Хиросимы.

Начальник штаба стратегической авиации США генерал Кэртис Лимэй¹ не скрывал уверенности в том, что массированными налетами можно поставить Японию на колени. Пришлось подчиниться приказу и исключить четыре города из списка объектов обычных бомбардировок. Этим городам готовилась другая участь. С 20 июля началась серия массированных бомбовых ударов авиации США на Японию. Во время этих бомбардировок экипажи должны были познакомиться с объектами, предусматривалось также выработать у японцев привычку не обращать внимания на появление в небе небольших групп высоко летящих «Б-29». В июле соединения 509-й группы произвели тренировочные бомбардировки японских городов. При этом выполнялись все операции, необходимые для осуществления главной задачи — сбрасывания атомной бомбы. 20-е соединение ВВС по-своему отметило праздник военно-воздушных сил: на голову мирного населения за 6 часов было сброшено 6632 т бомб. Это побило все предыдущие рекорды по массированным бомбежкам.

В начале августа в 509-й группе начались секретные совещания. Участникам группы рассказывали о мощности бомбы, о целях, деталях операции. Каждый в группе знал, что предстоит сбросить новый тип бомбы. Но сообщение, что эта бомба эквивалентна 20 000 т тринитротолуола, вызвало всеобщее удивление. Природа бомбы оставалась до последнего момента в секрете. Наконец заместитель Гровса, бригадный генерал Томас

¹ В 1964 г. К. Лимэй был автором меморандума Объединенного комитета начальников штабов, содержавшего требование перенести воздушную войну на территорию ДРВ. В 1968 г. этот друг и единомышленник лидера американских «ультра» Голдуотера стал кандидатом в вице-президенты США. Об этом объявил кандидат в президенты от «партии расистов» Джордж Уоллес.

Фэррел прибыл на Тиниан. Он должен был следить за последними приготовлениями. Спаатс и Лимэй вместе со своими коллегами вносили последние уточнения в план операции. Лучшей целью, как показывали данные аэрофотосъемки и как считали специалисты, являлась Хиросима. Этот город, сообщала разведка, — восьмой по величине город Японии, имеющий 368 тыс. жителей. Промышленные предприятия находились на окраинах города, доки и аэродромы — за городской чертой. Многогое зависело от погоды. Боевой приказ № 13 для 509-й группы подписал 2 августа командующий 20-го соединения ВВС генерал-лейтенант Туайнинг, технические детали были к этому времени в основном согласованы.

С последними наставлениями перед своими подчиненными выступил Тиббетс. Тактический план состоял в следующем. «Энолу Гэй» поведет он сам. Бомбометание осуществляет Томас В. Фереби, штурман — Теодор Ван Кирк. Справа от «Энолы Гэй» будет следовать майор Чарльз В. Суини на борту «Б-29» «Грэйтс артист». Суини необходимо было при помощи специальных приборов собрать сведения о результатах взрыва. Слева должен был лететь капитан Джордж В. Маркворд. На борту его «Б-29» — кинокамеры. Вспомогательная роль предназначалась трем другим самолетам. Майор Ральф Р. Тэйлор, за час до вылета «Энолы Гэй», на «Б-29» «Фул-хауз» полетит на Нагасаки, майор Джон А. Вильсон на «Джэбитт III» — на Кокуру, майор Изерли — на Хиросиму. В задачу этих летчиков входило обеспечение необходимой информацией руководителей операции о целях¹.

В воскресенье 5 августа на аэродроме Тиниан царило оживление: «Малыш», водруженный на платформу, торжественно плывет к погрузочной площадке, где его ждет подъемный кран. Адмирал Пэрнелл и генерал Фэррел лично руководят погрузкой бомбы, на джипах — полицейские, агенты секретной службы. Мощный бомбардировщик «Энола Гэй» подруливает к погрузочной площадке, и «Малыш» занимает свое последнее пристанище в бомбовом отсеке.

...Хиросима еще была окутана ночной темнотой, когда бомбардир пробрался в бомбовой отсек. «Малыш»

¹ «Международная жизнь», 1961, № 5, стр. 136.

Экипаж «Энолы Гэй» перед вылетом.

покоился в небольшом отсеке — 14 футов¹ длины и 5 ширины. Джепсон, которому поручено оказывать необходимую помощь бомбардиру, сразу же дает свет и следит за тем, как заряжается «Малыш». Наконец из бомбоотсека слышится «О'кэй!» — закончена установка детонаторов в хвостовой части бомбы. Теперь спусковой механизм может получить сигнал от капсули. Бомба оснащена и может идти.

Около 5 часов утра «Энола Гэй» прошла над островом Иводзима, запасной «Б-29», шедший следом, приземлился: у него была ограниченная задача — сопровождать Тиббетса до Иводзимы и в случае неполадок на «Эноле Гэй» взять бомбу на свой борт. Но Тиббетс подготовился к осуществлению своей трагической миссии со всей тщательностью, и меры предосторожности оказались излишними. Бомба заряжена. На борту самолета Суини заканчивает последние приготовления к

¹ Фут — 30,5 см.

фотографированию взрыва, осталось лишь получить сводку о состоянии облачности с самолетов метеослужбы. Через шесть с половиной часов полета самолет-разведчик Изерли достиг цели; над городом — небольшие облака, но они не могли помешать бомбометанию. Изерли передал необходимую информацию. Последняя рекомендация по радио: «Низкие облака — от 1/10 до 3/10. Средние облака — от 1/10 до 3/10. Высокие облака — от 1/10 до 3/10. Рекомендация: первый объект»¹.

...К 7 часам по хиросимскому времени японские радарные установки засекли небольшое количество самолетов, шедших к югу Японии. Жители Хиросимы увидели один из них, но он скоро улетел, тревога улеглась... Большинство японцев в Хиросиме не обращали внимания на одиночные самолеты. Это вошло в привычку, поскольку война почти не коснулась города; весной 1945 г. большинство жителей Хиросимы, эвакуированных в Кабэ (10 миль на северо-восток от Хиросимы), вернулось в свой город. Среди них распространялась легенда о том, будто, поскольку большинство американских граждан японского происхождения — выходцы из Хиросимы, город не будет подвержен бомбардировкам американской авиации.

И действительно, на Хиросиму было сброшено за три с половиной года всего 12 бомб. Две маленькие бомбы упали в марте 1945 г. с морского бомбардировщика, немного позже десять 500-килограммовых бомб вынужден был сбросить другой бомбардировщик, не долетевший до цели². Потому-то, когда в просветах облаков над Хиросимой показались еще два бомбардировщика, в городе никто не обратил на них внимания, считая эти самолеты обычными воздушными разведчиками. Рабочие мирно трудились, хозяйки готовили пищу на жаровнях, дети спешили в школу, и вдруг...

Пилот военный — в утро
роковое —
Он сбросил бомбу —
точен и матёр.

И сотни тысяч — скопище
людское
С лица земли — одною бомбой
стер.

(Р. Гамзатов. *Колокол Хиросимы*).

¹ «Хиросимская трагедия». «За рубежом», 1965, № 32, стр. 27.

² Там же.

Хиросима после взрыва.

Контрольный оператор «Джэпэнс бродкастинг корпорэйшн» внезапно заметил, что телефонная линия и радиостанция в Хиросиме не подают никаких признаков жизни. Он попытался восстановить связь, но все его усилия оказались тщетными. Немного позднее центр железнодорожной сигнализации в Токио отметил внезапное прекращение работы телеграфной линии в Хиросиме. Неофициальные сообщения из населенных пунктов, расположенных в 20—30 км от Хиросимы, не давали четкого представления того, что произошло там. В этот же день новость о бомбардировке дошла и до правительственных кабинетов в Токио. Первые вести пришли с телеграммой агентства «Домей ньюс адженси». Вечером 6 августа в Токио стало известно: Хиросима подверглась нападению небольшого числа самолетов противника, использовавших, вероятно, новый тип бомбы. Лишь на следующий день заместитель начальника генерального штаба армии получил более подробный доклад о хиросимской трагедии. В докладе утверждалось, в частности, что «весь город Хиросима был разрушен сразу же одной бомбой».

Оставшиеся в живых вспоминали первый миг взрыва: ослепительная вспышка — казалось, тысячи солнц соединились в одном факеле. Бомба взорвалась в 8 часов 15 минут по времени Хиросимы на высоте 600 м над центром города. Температура в центре взрыва достигла 50 000 000 градусов. Большинство жителей Хиросимы, находившихся в миле от эпицентра взрыва, не увидели ничего, — в мгновение ока они были сожжены, превратились в пепел. Многие из них остались лежать умирающими на дорогах, в разрушенных домах; повсюду виднелись черные тела. Те же, кто остался жить, обезумев, бросились за город, в горы; они не могли понять, что произошло, чем объяснить этот чудовищный ад, торжество огня и смерти.

Японские историки достоверно нарисовали картину взрыва: «Весь город представлял собой одни развалины. Это было ужасное зрелище, которого до сих пор не видела история. Всюду громоздились обугленные и обожженные трупы, многие из них застыли в той позе, в которой их застал взрыв. Трамвай, от которого остался один остов, был набит трупами, державшимися за ремни. Многие из тех, кто остался в живых, стонали от

В 300 м от эпицентра взрыва.

В 500 м от эпицентра взрыва.

В 1000 м от эпицентра взрыва.

Памятник японской культуры (вверху справа) и место, где он стоял, после взрыва.

У них нет детства.

Они видят мир глазами Хиросимы.

ожогов, покрывавших все тело. Повсюду можно было столкнуться со зрелищем, напоминавшим сцены из жизни ада»¹.

В городе вспыхнули тысячи пожаров, огненными реками распространяясь во все стороны. Ближайшее не тронутое огнем здание находилось от эпицентра взрыва в 1000 ярдов (ярд=91 см). Условия в Хиросиме оказались наиболее благоприятными для гигантского пожара, нежели в другом городе. Тысячи деревянных домиков и магазинов, громогласившихся по сторонам неровных улочек, вспыхнули как свечи. Самое высокое здание было высотой 400 футов, современных зданий, способных предохранить от радиоактивного поражения, оказалось слишком мало. Огненный смерч прошел над городом, и через 24 часа Хиросима стала мертвой. Люди, потерявшие надежду выжить, распластались на трамвайных линиях, словно на своем последнем ложе. От трамвайных вагонов не осталось ничего, кроме стальных тросов.

Среди двенадцати-, тринадцатилетних школьников, собранных на общественные работы, царила паника: они, рыдая, звали своих родных, некоторые из них бросались в реку, стараясь охладить свои обожженные тела, но так и не возвращались оттуда.

Почти на всех, кто в панике убежал из этого ада, одежда сгорела, лица обезумевших людей были в ожогах, кровоточили открытые раны, испепеляющий огонь выжег волосы у женщин. Некоторые беглецы из Хиросимы казались внешне нормальными, но вскоре и они

Одна из жертв Хиросимы

¹ «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 202.

умерли в страшных, нечеловеческих мучениях. Когда пламя над Хиросимой утихло, некоторые из бежавших решили вернуться в город, чтобы найти близких. За эту решимость смельчакам пришлось дорого заплатить. Они не знали, что приближались к смерти, ибо радиация продолжала действовать.

...«Энола Гэй» удалялась от места взрыва. Члены экипажа, по их же словам, выглядели так, будто всех их стукнули по голове. «Мы, правда, ждали чего-то страшного, но то, что мы тогда увидели собственными глазами,— вспоминал капитан Роберт Льюис,— вызвало у нас ощущение, что мы являемся чудовищными воннами двадцать пятого века... На обратном пути мы представляли собой группу людей, которые были в полном смятении. Мы видели самое плохое, что может видеть человек. Мы не могли еще овладеть собой. Было жутко сознавать, что с земли исчез целый город...»¹

В Токио организовали расследование последствий взрыва, когда последовало заявление Трумэна об атомной бомбардировке Хиросимы. Созданный в Токио новый официальный орган получил наименование Комитета контрмер против атомной бомбы. Первыми на обугленной земле Хиросимы появились майор Хирано и его коллеги, им было поручено расследовать на месте обстоятельства и последствия взрыва. К самолету с прибывшими экспертами подошел офицер. На него нельзя было смотреть без содрогания. Лицо офицера, казалось, было разрезано на две абсолютно равные половины: одна — гладкая, неповрежденная, другая — черная, со множеством волдырей. Офицер доложил: «Все, что не было защищено, сгорело...»

Картина, открывшаяся перед экспертами из Токио, представляла страшное зрелище. Огненный шторм, вызвавший движение воздуха со скоростью 46—64 км в час, за 12 часов выжег район почти в 12,8 кв. км².

Информация после расследования пошла в Токио. В середине дня 7 августа министр иностранных дел Того проинформировал правительство о заявлении Трумэна относительно использования атомной бомбы, тогда же были заслушаны доклады о разрушении Хиросимы.

¹ «Международная жизнь», 1961, № 6, стр. 128.

² См.: Ральф Лэпп. Убийство и свехубийство, стр. 59.

В городе, который называли Хиросимой, еще дымились развалины, а президент Соединенных Штатов Америки мирно беседовал в кают-компании крейсера «Огаста». Гарри Трумэн, находясь в обществе сопровождающих его лиц, подводил некоторые итоги прошедшей встречи в верхах. На вопрос о том, не вступит ли Советский Союз в войну с Японией именно сейчас, президент ответил: «Нет, но это не имеет значения... Мы теперь располагаем мощным оружием. Оно настолько мощно, что мы не нуждаемся больше в России». Покидая своих собеседников, Трумэн бросил на прощанье несколько слов: «...В очень скором времени и самым определенным образом мы убедимся в мощи нового оружия». Трумэн и его собеседники еще не знали, что Хиросима превращена в пепел. Долгожданное сообщение пришло на крейсер «Огаста» неожиданно.

Офицер картографической службы Белого дома Фрэнк Грэхэм положил перед президентом телеграмму: «... Президенту от военного министра.

Большая бомба сброшена на Хиросиму 5-го в 7.15 пополудни по вашингтонскому времени. Первые сообщения указывают на полный успех, который был гораздо заметнее, чем первое испытание».

Это было 6 августа, в тот момент, когда президент завтракал в кают-компании. С тех пор как президент после окончания Потсдамской конференции ступил на борт крейсера «Огаста», он находился в состоянии ожидания большого события. И вот теперь президент не считал нужным скрывать радости. Он поднялся со своего места и торжественно произнес: «Джентльмены, только что мы сбросили на Японию бомбу, которая по своей мощи равна 20 тысячам тринитротолуола... Эта бомба называется атомной».

...7 августа было обычным днем для американских городов. За все прошедшие военные годы американцы узнавали о войне только из газет и по радио да из скудных писем своих родных с далеких континентов. Появление вражеской подводной лодки у берегов США было единственной за всю войну веской причиной для тревоги у береговой охраны. Так и в этот день — на оживленных улицах американских городов не чувствовалось дыхания войны. Люди с работы спешили домой, рекламы зазы-

вали на новые фильмы и шоу. Радио доносило голоса известных исполнителей популярных песенок, из приемников неслись игривые мелодии: «Не гони меня», «Сентиментальное путешествие». Но вот в эфире зазвучало сенсационное сообщение, диктор читал заявление Трумэна: «Шестнадцать часов назад американский самолет сбросил атомную бомбу на Хиросиму — важнейшую базу сухопутных войск Японии. Сброшенная бомба обладает мощностью, равной 20 тысячам тонн тринитротолуола. Нанесенный удар дает нам невиданную в истории мощь... Мы должны полностью сокрушить нашего противника — Японию».

В Окридже рабочие, вносившие непосредственный вклад в создание бомбы, но ничего не знавшие о целях производства, с удивлением читали газеты, горячо обсуждали происшедшее. Хозяева монополий, связанных с производством атомного оружия, потирали руки: эксперимент удался, доллары были затрачены не впустую.

Атомная бомбардировка Хиросимы подорвала международный престиж США, усилила антиамериканские настроения в мире. «В этот день [6 августа 1945 г.] мы дополнили список тех, — писал американский обозреватель Х. Болдуин, — кто применил новое ужасное оружие для истребления людей. Мы присоединились к немцам, которые первыми применили газы, к японцам с их биологическим оружием, к гуннам и монголам, которые считали истребление искусством». Католики Бостона в своем печатном органе заявили: «В истории человечества ни один варвар не уничтожал человеческие жизни с большей жестокостью. Если бы другая страна совершила это преступление, то на каждой карте, сделанной человеком, ее границы в течение столетия окрашивались бы в черный цвет, чтобы постоянно напоминать о бесчестии. Мы никогда не сможем выкупить свое доброе имя, даже заплатив за это всем нашим золотом, имеющимся в форте Нокс»¹.

...Крейсер «Огаста» в это время входил в американскую гавань, президент США возвратился на родину с конференции в Потсдаме.

¹ Цит. по статье: В. М. Хайцман. Крах атомной монополии США. «Новая и новейшая история», 1968, № 1, стр. 27.

Освободительная миссия

На территории Маньчжурии и Кореи в сравнительно короткие сроки вырос большой военно-промышленный комплекс. Из Токио, Осака, Киото, Саппоро, Хиросимы сюда перебазировались подсобные предприятия машиностроения, производства оружия, а также ремонта промышленного оборудования и военной техники, находившейся на вооружении японской армии. Японских милитаристов привлекали сюда богатейшие источники сырья и возможности использования дешевой рабочей силы. Предприятия машиностроительных отраслей промышленности работали в основном на войну. Отсюда прямо на поле боя вылетали самолеты, уходили автомобили, паровозы вели эшелоны с артиллерией, стрелковым оружием и обмундированием. 600—650 самолетов в год выпускал самолетостроительный завод в Шэньяне (Мукдене). На этом заводе в тесном единстве действовали японские фирмы «Накадзима», «Кавасаки», «Мицубиси» и немецкая фирма «Юнкерс». В Шэньяне был создан военный арсенал. На его базе налаживался выпуск артиллерийских орудий, минометов, пулеметов, винтовок и карабинов, а также боеприпасов к ним.

Более тридцати лет японский империализм грабил Корею. Территория, сырьевые и людские ресурсы этой страны были подчинены осуществлению одной из главных задач, провозглашенных японскими милитаристами, — подготовить Корею в качестве военного плацдарма для военно-морских сил против Советского Союза, национально-освободительного движения как в самой Корее, так и в Китае. Генерал-губернатор Кореи Койсо говорил: «Япония ведет невиданную до сих пор войну, эта война приняла затяжной характер. Корея призвана оказать серьезную помощь Японии в этой большой войне».

как своими людьми, так и стратегическим сырьем»¹. Цепкой хваткой захватили Корею японские монополии. В роли главного хозяина страны выступал корейский колониальный банк и 10 других кредитных банков, контролируемых японским капиталом. Из Кореи выкачивались те виды сырья, которые ранее вывозились из США и Англии. Значительно возросла добыча в стране угля, железной руды. Видное место занимала химическая промышленность. Японская армия в Китае и Юго-Восточной Азии получала взрывчатку и авиационное топливо с химических предприятий в Корее.

Китайское и корейское население в оккупированных районах подвергалось гонениям, находилось под страхом насильственной мобилизации. Для нужд военной промышленности и обслуживания тыла действовавшей японской армии японское командование практиковало насильственное переселение на территорию Маньчжурии китайских и корейских граждан. Эти мероприятия японской военщины говорили прежде всего о том, что в Токно не ослаблялся интерес к дальневосточным границам Советского Союза.

Японская армия не раз устраивала провокации у границ Советского Союза. С 1941 по 1944 год японская сторона задержала и потопила 178 советских торговых кораблей; был нанесен огромный вред снабжению Советского Дальнего Востока необходимыми товарами и продовольствием. В Советском Союзе тайно действовали японские агенты, сослужившие добрую службу гитлеровскому рейху. Япония принимала участие в «антикоминтерновском пакте» и Тройственном союзе (Япония, фашистская Германия и Италия). Враждебное отношение к Советскому Союзу, провокации по отношению к стране социализма, постоянная угроза дальневосточным границам СССР требовали принятия неотложных мер. Важное значение для решения о вступлении Советского Союза в войну против милитаристской Японии имело и желание оказать решительную помощь народам Азии в борьбе с силами колониализма и империализма. В то время когда Советский Союз залечивал раны, нанесенные войной, и для восстановления народ-

¹ Цит. по кн.: Ф. И. Шабшина. Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.). М., 1959, стр. 205—206.

ного хозяйства ему нужны были гигантские силы и резервы, Советское правительство приняло решение выступить против милитаристской Японии. Советские войска перебрасывались из Европы на дальневосточные границы. Эта мера была официально одобрена на Ялтинском совещании глав правительства США, Англии и Советского Союза в феврале 1945 г. Тесное сотрудничество США и Англии со страной социализма на Дальнем Востоке определялось не только военными соображениями; весь ход событий военного времени диктовал союзникам необходимость учитывать возросший авторитет Советского Союза, учитывать и то, что решение многих важнейших проблем послевоенного устройства мира требовало участия Советского Союза.

Японское командование надеялось на организацию длительного сопротивления войскам союзников с плацдармов на территории Китая и Кореи. В начале 1945 г. японская Главная ставка приняла решение: «Продолжая решительные усилия в области ведения войны и рассчитывая на благоприятный поворот в военных событиях, империя в то же время немедленно создаст систему активной обороны, опирающуюся на Японию, Маньчжурию, Китай, и будет упорно вести затяжную войну»¹. Итак, затяжная война. Укрепляются основные стратегические районы Китая, готовятся планы разгрома народной армии Китая, усиливаются резервы. По данным американской разведки, к середине июля 1945 г. численность японской армии была следующей: на собственно японских островах находилось около 2 млн. солдат и офицеров, более 2 млн. — в Китае, в Маньчжоу-го, Корее и на Тайване, в Индокитае и Бирме — более 200 тыс., в Индонезии и на Филиппинах — более 500 тыс., на островах Тихого океана — более 100 тыс. человек. Все это составляло силу, способную выдержать длительную оборону. Даже в июне оперативный план командования 13-й японской армии предполагал «разгром наступающих частей армии США, дальнейшую решительную схватку и определение таким путем поворотного пункта в войне на Тихом океане». Долголетний опыт пребывания колонизаторов на террито-

¹ «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 156.

рии Китая и Корей питал безудержный оптимизм японских милитаристов.

Взрыв над Хиросимой потряс «верхи» японского общества, «Низы», японские солдаты ничего не знали об атомной бомбе. Единственное сообщение, появившееся в японской печати, гласило: «Противник сбросил бомбу нового типа. Жертвы невелики». Атомная бомба ни в коей мере не ослабила желания японских милитаристов упорно сопротивляться, мобилизовывать все имеющиеся для этой цели резервы. Некоторые высокопоставленные военные, как например глава генерального военно-морского штаба, утверждали даже, что США не могут иметь достаточного количества радиоактивного материала для производства необходимого числа бомб, чтобы продолжать подобного рода атаки. Эти предположения были недалеко от истины, ибо США в то время располагали лишь одной бомбой, предназначавшейся для Нагасаки. Время окончания работы над третьей бомбой трудно было предположить. Японские военные лидеры понимали, что мировое общественное мнение осудит и попытается предотвратить повторение такой жестокости; они считали, наконец, маловероятной возможность для США завоевать симпатии утверждением о том, что якобы атомная бомба сократит сроки войны, спасет тысячи жизней американцев.

Правящие круги Японии решили использовать трагедию Хиросимы для усиления пропаганды. 10 августа через правительство Швеции был передан в Вашингтон официальный протест Токио в связи с использованием американцами атомного оружия. Вместе с этим императорская ставка активизировала пропаганду в целях мобилизации широких народных масс на борьбу «до последнего дыхания, чтобы не дать врагу ступить на священную землю предков».

7 августа 1945 г. советские дальневосточные фронты получили директиву о начале боевых действий против милитаристской Японии. В ненастную погоду, под сильным ливнем в кромешной темноте войска выдвигались на исходные позиции¹.

¹ См.: «Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г.», М., 1966, стр. 160.

8 августа Советское правительство объявило войну Японии. В ночь на 9 августа войска Забайкальского, 1-го Дальневосточного и 2-го Дальневосточного фронтов под общим командованием Маршала Советского Союза А. М. Василевского перешли в наступление. В первый же день войны главные силы Забайкальского фронта под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского продвинулись на 50 км, а подвижные войска — на 150 км. Успешно наступали и войска 1-го Дальневосточного фронта под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова и войска 2-го Дальневосточного фронта под командованием генерала армии М. А. Пуркаева.

9 августа около 11 часов утра (по токийскому времени) вторая бомба упала на Нагасаки, на западном берегу острова Кюсю. Вторая атомная бомба предназначалась для Кокура, но атаке помешала облачность. Пилот изменил курс, и через 80 миль к юго-западу показалась другая цель — Нагасаки. Бомба, взорванная над Нагасаки, была плутониевой, такой же, как и «Толстяк», испытанный в Аламогордо.

Согласно официальным данным, опубликованным в 1953 г., людские потери были следующими:

	Хиросима 6 августа	Нагасаки 9 августа
Убито	78 150	23 753
Пропало без вести	13 983	1 924
Ранено	37 424	23 345
Получили другие повреждения, в том числе ожоги	235 656	89 025
Всего	365 213	138 047

От американских атомных бомб пострадало более полумиллиона человек (503 260)¹.

¹ См.: В. М. Хайцман. Крах атомной монополии США. «Новая и новейшая история», 1968, № 1, стр. 25.

Весть о взрыве над Нагасаки скоро пришла и в Вашингтон. Там уже знали и о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке.

После объявления Советским Союзом войны Японии Стимсон, Бирнс и Трумэн продолжали обсуждать основную линию своей стратегии на Дальнем Востоке. Стимсон убеждал президента в необходимости добиться капитуляции Японии «до того, как это сможет сделать Россия». «Чрезвычайно важно для нас,— говорил он,— взять в свои руки японские острова до того, как русские смогут выдвинуть какие-либо претензии на участие в оккупации и управлении Японией».

10 августа правительство Японии сообщило о принятии Потсдамской декларации, но просило гарантии уважения положения императора. Трумэн согласился с предложением Форрестола — признать неприкосновенность императора, но оставить термин «безоговорочная» для характеристики капитуляции. Вскоре ответ был послан. Казалось, Бирнс не переживет успешного продвижения Советских Вооруженных Сил в Маньчжурии и Корее. «Я никогда не знал, что время течет так медленно!» — восклицал государственный секретарь США.

Паника охватила не только японское командование. Изменение всей стратегической обстановки и внутриполитического положения на Дальнем Востоке, укрепление антифашистских сил, всего антиимпериалистического фронта вызвали смертельный испуг в стане реакции, прежде всего в гоминдановском Чунцине и в Вашингтоне. Генерал Ведемейер, близкий соратник Макартура, бомбардировал Объединенный комитет начальников штабов США срочными депешами с требованиями немедленной оккупации Северо-Восточного Китая, всех ключевых портов на материке. Американская авиация помогала войскам Чан Кай-ши. Благодаря такой заботе гоминдановцам удалось в спешном порядке перебросить по воздуху свои части в важнейшие стратегические пункты в Центральном и Южном Китае, оккупировать имеющие большое значение коммуникации в Северном Китае. Представленный Объединенному комитету начальников штабов США план адмирала Нимица о первоочередной оккупации американскими войсками важнейших стратегических пунктов на материке, казалось, был близок к

Маршалы Советского Союза А. М. Василевский (в центре) и К. А. Мерецков допрашивают начальника штаба Квантунской армии генерала Х. Хата (август 1945 г.).

осуществлению. Американская морская пехота выбирала наиболее подходящее время для высадки в Циндао, Тагу и других портах Восточного Китая.

Опираясь на помощь и поддержку Советской Армии, войска Народно-освободительной армии Китая освобождали уезд за уездом, город за городом. Попытка гоминдановцев высадиться в Циндао и начать марш в Маньчжурию не имела успеха. Этот марш на деле оказался не таким уж спокойным, как ждали чанкайшисты. Гоминдановцы были смело атакованы частями китайской армии коммунистов. Представители Советского правительства в Китае свято выполняли долг перед мировым коммунистическим движением; они считали своей первой обязанностью оказать помощь коммунистам в их борьбе с гоминдановской реакцией. Благодаря усилиям Советского Союза в Маньчжурии было спасено множество промышленных предприятий от разрушения и полного демонтирования, а японское вооружение переходило в руки Народно-освободительной армии Китая. Советские представители противодействовали попыткам гоминдановцев установить контроль в Маньчжурии, способствовали укреплению в этом районе контроля коммунистов.

В правящем лагере Японии не сразу согласились с условиями капитуляции, там шла ожесточенная борьба вокруг проблемы: продолжать или не продолжать военные усилия. 9 августа, рано утром, министр иностранных дел Того, узнав об объявлении Советским Союзом войны Японии, поспешил к премьер-министру. Переступив порог кабинета Судзуки, Того заявил о необходимости немедленного прекращения военных действий. Судзуки согласился с этой идеей. В 11 часов утра собрался высший военный совет. Судзуки обратился к членам совета: «Вступление Советского Союза сегодня утром в войну против Японии ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны». В правящем лагере Японии началась ожесточенная борьба между сторонниками продолжения войны и сторонниками заключения мира. И те и другие были единодушны в одном: необходимо спасти императорскую систему. Только одни хотели достичь этой цели мечом, а другие капитуляцией. Наконец 10 августа высший военный совет принял текст обращения к союзным державам, предложенный Судзуки и Того: «Японское Правительство готово принять условия Декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось и Советское Правительство. Японское Правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии. Японское Правительство просит определенного уведомления по этому поводу»¹. На следующий день правительства СССР, США и Великобритании ответили на заявление японского правительства. Ответ, как и ожидали в Японии, был жестким; в нем отмечалось, что власть императора и правительства будет подчинена верховному главнокомандующему союзных держав; императору предлагалось обеспечить подписание Японией условий капитуляции, форма правления в Японии должна была быть установлена в соответствии с Потсдамской декларацией свободно выраженной волей народа; вооруженные силы союзных держав должны были остаться на японской территории до того вре-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, 1947, стр. 376.

мени, пока не будут достигнуты цели Потсдамской декларации¹.

12 августа Того узнал о переданном по радио ответе союзников. Он тотчас же дал задание своим подчиненным изучить основные положения документа. Затем Того довел до сведения императора содержание ответа союзников. Император нашел условия капитуляции удовлетворительными. В это время, когда члены военного совета знакомились с ответом на свое заявление, токийское радио сообщало о выполнении армией и флотом «высочайшего приказа, повелевающего защищать родину и высочайшую особу императора». Выступления с призывами к активным действиям были инспирированы милитаристской кликой, которая выражала неудовлетворение по поводу многих положений союзного заявления. В 3 часа дня снова собрался правительственный кабинет, чтобы обсудить ответ союзников. Военный министр генерал Корэтика Анами поставил под сомнение целесообразность принятия условий капитуляции. В связи с этим были выдвинуты следующие причины: во-первых, император не может быть подчинен верховному главнокомандующему, во-вторых, японская политическая система ведет свое начало от бога и не может быть изменена в соответствии с волей народа, в-третьих, императорских солдат невозможно заставить сложить оружие. Заседание кабинета 12 августа, как и последующее заседание 13 августа, не привело к какому-либо окончательному результату.

Представители армии не скрывали своей решимости стоять до последнего на побережье Японии. 2800 самолетов должны были выступить против американского флота вторжения, пилоты-смертники (камикадзе) ожидали приказа. В бухтах близ Токио были спрятаны флотилии маленьких двухместных подводных лодок².

14 августа император Хирохито созвал своих министров, чтобы попытаться наконец закончить затянувшиеся споры. Министры и на этот раз пришли в душное бомбоубежище под императорским дворцом без уверенности в том, что они достигнут единого мнения. И на

¹ См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 378—379.

² См.: Марк Гейн, Японский дневник, стр. 338.

этом заседании Анами говорил: «Мы должны продолжать борьбу. Битва за Японию не проиграна. Мы еще можем нанести тяжелые потери противнику. К тому же я ручаюсь, что армия никогда не сложит оружия».

Ждали, что скажет император.

«Мы считаем, что Япония будет полностью уничтожена, если война продолжится,— обратился к ним император. — Мы понимаем, как тяжело будет офицерам и солдатам армии и флота сложить оружие. Но мы намерены сохранить жизнь нашим подданным. Мы не можем допустить их уничтожения. Мы хотим, чтобы кабинет подготовил рескрипт, объявляющий о прекращении войны в возможно более короткие сроки».

Император объявил о намерении самому зачитать этот рескрипт по радио. Вслед за императором с призывом капитулировать выступил Судзуки. Анами, хотя и подчинился воле императора, продолжал вести спор по поводу формальностей капитуляции. Пока министров терзали сомнения, молодой офицер генерального штаба майор Кэндзи Хатанака, известный своей фанатичной преданностью идеалам «великой Японии», решил бросить вызов сторонникам принятия капитуляции. Наиболее активная группа заговорщиков собралась вокруг него. В 9 часов вечера император подписал рескрипт, через час под документом подписался последний министр. Военный министр Анами, полностью осознав неумолимость поражения, готовился совершить священный обряд «сэппуку» (вспарывание живота кинжалом). А в это время заговорщики готовились к решительным мерам, чтобы предотвратить выступление императора по радио с обращением к народу. Тех, кто не хотел уступать, ждала расправа. Командир императорской дивизии генерал Мори был убит выстрелом в грудь, его родственника подполковника Сиранси зарубили. Люди Хатанака должны были изолировать дворец, занять радиостанцию, запретить все радиопередачи. События, имевшие место у дворца, вскоре стали известны командующему Восточной армией, дислоцированной в районе Токио, генералу Танаки. Танаки решил действовать и остановить заговорщиков. Заговор провалился. Один из его руководителей — Хатанака на лужайке перед дворцом выстрелил себе в голову. Спустя некоторое время диктор токийского радио объявил: «Его величество им-

ператор зачитает сейчас рескрипт. Мы верноподданически передаем его выступление в записи на пленку»¹. Было 15 августа 1945 г. Начинаясь первый день послевоенной Японии.

Перед японскими лидерами встала проблема: какой состав правительства сумеет с меньшими потерями для морального престижа японского государства осуществить мероприятия, как ожидали в Японии, унижительные и непопулярные. Новый состав правительства был спешно сформирован. Возглавил его принц Хигасикуни. Это назначение уже само по себе говорило о стремлении правящих кругов Японии подчеркнуть незыблемость императорских традиций в стране. Новый премьер-министр и военный министр Нарухико Хигасикуни был младшим сыном покойного принца Асахикокуни. Женившись на сестре императора Иосихито (отца находившегося на троне императора Хирохито), Хигасикуни по указу микадо основал самостоятельную ветвь императорской фамилии Хигасикуни-Но-Мия. Старший сын Хигасикуни, офицер японской армии, был женат на старшей дочери императора — принцессе Сигеко. Хигасикуни, согласно традиции своей семьи, посвятил себя военной службе. С 1920 по 1927 год он учился во Франции, где и получил военное образование. Во время войны он был назначен командующим зоной обороны собственно Японии и одновременно советником верховного военного совета.

Во время резких обострений борьбы в правящем лагере Японии почти всегда выдвигался на первый план Фумимаро Коноэ. Этот человек снискал себе известность склонного к компромиссам государственного деятеля. Теперь, перед высадкой союзников на японские острова, должна была проявиться прежде всего эта сторона его деятельности, и Коноэ стал заместителем премьера. В 1937 г., когда милитаристская Япония выходила на широкую дорогу колониальной экспансии, Коноэ было поручено сформировать правительство. Уже тогда многим импонировал авторитет Коноэ в качестве «умеренного» деятеля, а некоторые иностранные обозреватели вслух высказывали предположения о том, будто новый премь-

¹ «Самый длинный день». «За рубежом», 1968, № 14, стр. 24—26.

ср будет сопротивляться военщине. Коноэ, не отказываясь на словах от приписываемой ему роли, на деле осуществлял политику военных кругов. В 1937 г. Япония напала на Китай, и Коноэ заявил, что ликвидация японо-китайского конфликта возможна лишь на основе японских требований. Этот деятель внес свой солидный вклад в дело фашизации страны и уступил место лишь генералу Тодзио в октябре 1941 г. Теперь репутация «умеренного» должна была помочь Коноэ воздвигнуть мосты между правящими кругами Японии и оккупационными властями.

Министром иностранных дел нового кабинета был назначен Мамору Сигемицу. Начав свою карьеру с чиновника министерства иностранных дел, Сигемицу дослужился до министра иностранных дел в кабинете Тодзио. Этот деятель представлял интересы Японии в Германии, Англии и в Китае; был он послом и в Москве. Сигемицу «представляет собой,—отмечала японская печать,—заслуживающего доверие дипломата, обладающего спокойным мышлением, стремящегося к созданию прочного положения путем продуманной и тщательно разработанной политики и осуществляющего ее с большой предусмотрительностью и терпением». В апреле 1945 г. Сигемицу вышел в отставку вместе со всем кабинетом Койсо. Распространяемая зарубежной печатью характеристика Сигемицу как либерала и сторонника умеренности в общеполитических установках должна была помочь министру иностранных дел, как и Коноэ, снискать доверие у союзников. Другие члены нового кабинета также были неразрывно связаны с японской военщиной. Эти люди, представлявшие уже побежденную Японию, вынуждены были принять условия безоговорочной капитуляции.

16 августа императорское командование отдало приказ прекратить военные действия.

Советская Армия на Дальнем Востоке осуществляла свою гуманную миссию. Благодаря ее победам рухнули планы японского империализма, надеявшегося выгодно для себя закончить войну на Тихом океане. Лопнули надежды агрессивных кругов США, стремившихся овладеть наиболее важными районами Дальнего Востока, закрепиться на материке, воспрепятствовать китайской революции, помешать развитию национально-освободи-

Переговоры о капитуляции Квангунской армии (Чаньчунь, 1945 г.).

тельного движения в Азии. Советские вооруженные силы, части народных войск Китая и корейские партизаны вовремя освободили от врага множество важнейших стратегических пунктов, в том числе и те, которые согласно планам военного командования США, подлежали оккупации американской морской пехотой. Помощь Советской Армии революционным силам китайского и корейского народов закладывала основы послевоенного мира на Дальнем Востоке и подготавливала условия для создания на территории Китая и Кореи независимых демократических государств.

Американская печать писала в то время об успехах Советской Армии на Дальнем Востоке с большим восторгом. «Нью-Йорк таймс» признала, что действия Советского Союза означают «начало конца японского империализма». Еще более определенно высказалась «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Советский Союз вступил в войну в качестве друга человечества, поставив перед собой основную цель — погасить последнее пламя войны, пылающее сейчас в мире. Редко когда военные усилия были начаты во имя более благородных побуждений».

15 августа «Нью-Йорк таймс» заявила, например, что военные действия Советских Вооруженных Сил против Японии явились «решающим фактором, который ускори́л конец этой войны»¹.

Таким образом, американская печать была вынуждена признать, что победы Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, а не американские атомные бомбы привели к окончанию войны с Японией.

Историческая победа Советского Союза и его союзников над гитлеровской Германией и милитаристской Японией создала благоприятную обстановку для дальнейшего развития социалистического и демократического движения народов мира. Капиталистическая Европа не представляла уже единого целого, народы колониальных и зависимых стран получили возможность встать на путь национального освобождения.

¹ Цит. по кн.: А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, стр. 537.

Возвышение и падение Макартура

15 августа Япония признала полную капитуляцию. Генерал Дуглас Макартур готовился прибыть на территорию поверженного врага. Члены японской делегации, прибывшие в Манилу для предварительных переговоров с американцами, выразили сомнения относительно возможности использования аэродрома Ацуги для приземления Макартура. По мнению японских представителей, многие пилоты-камикадзе отказались капитулировать, хотя император и объявил о капитуляции.

Утром 30 августа первые американцы стали все же приземляться на Ацуги. Вскоре на своем личном самолете «С-54» вылетел и Макартур. Он внимательно вглядывался в приближающуюся японскую землю. Там, внизу, виднелись зенитные батареи, которые, казалось, в любую минуту могли выпустить снаряды и не промахнуться. Опасения рассеялись, когда тяжелый самолет спокойно приземлился на аэродроме Ацуги, и Макартур, гордо бросая взгляд по сторонам, вышел из кабины. Он задержался на секунду, огляделся вокруг. К самолету торопились встречавшие американские офицеры, были здесь и японские министры, генералы. Они прибыли на аэродром во фраках и белых перчатках. Тщеславие верховного главнокомандующего было удовлетворено. Он сел в машину и направился в Иокогаму.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», стоявшего в Токийской бухте, собрались представители союзных держав – участники антифашистской коалиции. Предстояло подписать акт о капитуляции Японии. Первыми к столу, где лежали документы о капитуляции подошли представители побежденной страны; акт подписали министр иностранных дел

Кумир американских «сультра» генерал Макартур на земле побежденной Японии.

Мамору Сигемицу и начальник генерального штаба генерал Есидзиро Умэдзу. Затем под этим историческим документом поставили свои подписи: от имени союзных наций — генерал Макартур; от имени США — адмирал Нимиц; от имени Китая — гоминдановский генерал Су Юн-чан; от имени Великобритании — адмирал Фрэйзер; от имени Советского Союза — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Акт подписали представители Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии¹. Япония закончила сопротивление, началась полоса оккупации побежденной страны.

¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 5, М., 1963, стр. 589.

Министр иностранных дел М. Сигемунду подписывает акт о капитуляции Японии.

Беспокойные мысли роились в голове генерала Макарута, когда перед его взором открылись развалины Токио. К чему приведет оккупация страны? К долговой кабале? К разрушению ее традиций, культуры, государственности? А может быть, подготовить Японию на роль сильного союзника, благодарного Соединенным Штатам Америки? Макарута был генералом армии той державы, которая впервые в истории человечества обратила чудовищную силу атома против гражданского населения Японии. Он не только втайне гордился атомной бомбой, но и видел в этом оружии большую силу для дипломатической борьбы за послевоенную Японию. Победы Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, рост авторитета социалистического государства, рост демо-

кратических сил во всем мире и в самой Японии становились постепенно предметом особой заботы обитателей «Дай Ичи Билдинг» — одного из красивейших зданий в Токио, где расположился штаб оккупационных войск Макартура. Разговоры о могуществе США, об атомном приоритете его страны, наконец, об исключительно американской победе над Японией нужны были генералу теперь для оправдания его односторонних действий в оккупированной стране. Ради этого он постоянно повторял о первостепенной роли США и второстепенной — СССР в достижении победы на Дальнем Востоке. «Поскольку война на Тихом океане велась и выиграна исключительно вооруженными силами США, они же и должны обеспечить завоеванный мир в послевоенное время», — утверждал американский генерал.

Как известно, Советский Союз внес огромный вклад в дело разгрома милитаристской Японии, в дело освобождения народов Северного Китая и Кореи. Генерал Макартур, направивший свои усилия на устранение союзников от послевоенного устройства Японии, всячески принижал роль Советского Союза в войне на Тихом океане. Подобные политические установки в первые послевоенные годы протаскивались американской стороной и в японской печати. Штаб Макартура, осуществлявший полный контроль над японской печатью, не прочь был показать, что де и японское общественное мнение признает США главным победителем. В 1948 г. в одном из японских изданий со ссылкой на американские источники отмечалось: «После атомного удара на Хиросиму и Нагасаки японское правительство и император Японии пришли к выводу о том, что война бесповоротно проиграна, сопротивление бесполезно». Такого рода утверждения были откровенной данью «холодной войне», и они полностью расходились с прежними установками американских пропагандистских органов. Центральная директива бюро военной информации США для органов пропаганды предписывала в августе 1945 г. иметь в виду следующее обстоятельство: «Мы одержали победу не в результате применения атомной бомбы и объявления войны Советским Союзом, хотя эти факторы ускорили неизбежное падение Японии...» В германо-австрийской директиве бюро военной информации США на предпоследнюю неделю августа 1945 г. имелось более четкое

указание американским органам пропаганды: «...отмечайте, что победа союзников была неизбежной независимо от изобретения атомной бомбы...»¹ Тогда, в 1945 г., американские пропагандисты, не вступив еще на путь «холодной войны», старались следовать в своей деятельности принципам, отвечающим духу антифашистской коалиции. В 1948 г. они не только забыли об этих принципах, но и действовали, как это ни парадоксально, вопреки мнению глашатая «холодной войны» Черчилля, который писал в мемуарах: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой».

В то время когда Макартур и его приближенные приписывали все заслуги победы над Японией лишь американской армии и атомной бомбе, в США начинала свою деятельность национальная Комиссия по атомной энергии.

Для осуществления политики атомного шантажа американским государственным и военным деятелям оказалось мало Хиросимы и Нагасаки.

Хиросима и Нагасаки открыли путь «атомной дипломатии» США. Американские политики отдавали отчет в том, что успех «атомной дипломатии» может быть обеспечен при сохранении монополии США на атомную бомбу, с ее помощью они рассчитывали навязать свою волю народам, провозгласить начало «американского века». Уже в первый послевоенный год на страницах мировой печати усиленно обсуждался так называемый «план Баруха». Барух, представитель США в комиссии ООН по контролю над атомной энергией, вел хитроумную игру вокруг проблем атомного вооружения. Несмотря на свой преклонный возраст — в то время Баруху было около 80 лет, этот американский политик и дипломат весьма энергично отстаивал свои идеи, которые нашли отражение в официальных документах госдепартамента. В чем же состоял смысл «плана Баруха»? Инициаторы этого плана прежде всего провозгласили строгий международный контроль над атомной энергией, используемой для военных целей, причем главное внимание уделялось при этом строгой системе контроля и ин-

¹ Цит. по кн.: А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, стр. 532.

спекции над атомным сырьем, производством и взрывчатыми материалами. США, применив атомное оружие для военных целей, считали теперь возможным диктовать условия международного контроля над атомной энергией. Жизненно важная проблема для всего человечества—запрещение атомного оружия—уже тогда или обходилась молчанием, или откладывалась американскими политиками в долгий ящик. Сам же Барух и не думал скрывать подлинные цели американского плана. На одном из заседаний комиссии ООН он, например, заявил: «США не откроют секрета атомной бомбы до тех пор, пока другие страны не уменьшат своих армий до размеров полицейских сил».

Для СССР главной стала проблема запрещения атомного оружия. В отличие от американской программы, советские предложения носили конкретный и решительный характер. Предложенная Советским Союзом на обсуждение комиссии ООН конвенция предусматривала:

А) не применять ни при каких обстоятельствах атомного оружия;

В) запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;

С) уничтожить в трехмесячный срок, считая со дня вступления в силу настоящей конвенции, весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия»¹.

Советская конвенция также предусматривала установление суровых наказаний для нарушителей этой конвенции, организацию эффективного контроля и обмен научной информацией в области атомной энергии². Монопольное владение Соединенными Штатами атомной бомбой вскружило голову американским политикам, и они отвергали любые выдержанные в реалистическом духе предложения, содействовали разжиганию военной истерии, гонки вооружений у себя в стране.

Несмотря на то что ни одна страна в мире, кроме США, не имела тогда еще атомного оружия, Комиссия по атомной энергии поставила задачу создать запасы в США расщепляющегося материала в размере 50 т, что

¹ «Правда» от 23 июня 1946 г.

² См.: В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы (1940—1960). М., 1964, стр. 235.

было равнозначно 10 тысячам бомб, сброшенных на Хиросиму¹.

Стремление американских политиков оставить за своей страной атомную монополию приводило иногда к нежелательным для авторитета США казусам. Штаб Макартура обнаружил в Японии два циклотрона. Они были сооружены на основе элементарных знаний об атомных исследованиях и предназначались для научных экспериментов и, как говорил президент Массачусетского института технологии Карл Комптон, не имели ничего общего с производством взрывчатых веществ. Более того, один циклотрон предназначался для биологических и медицинских исследований. Оккупационные власти разрушили эти сооружения. Научная общественность мира выступила с протестом против подобного рода действий американских оккупационных властей в Японии.

Когда Стимсон в сентябре 1945 г. передал портфель военного министра Патерсону, позиции Макартура в определении дальневосточной политики значительно укрепились. Макартура связывала давняя дружба с Патерсоном. Последний служил в его штабе на Новой Гвинее. Военный министр Патерсон безудержно хвалил верховного главнокомандующего: «За судьбы Японии мы не беспокоимся, — говаривал он, — ...наша голова болит за судьбы Германии, потому что здесь существуют разные точки зрения четырех оккупационных государств... Генерал Макартур не только солдат, но и политик и дипломат, он выйдет из любого трудного положения. Я доверяю генералу Макартуру на 100%, он успешно выполнит поставленные перед ним задачи и не попадет впросяк».

Макартур всеми силами старался оправдать доверие Вашингтона, противодействуя предложениям Советского Союза. Он был готов, если понадобится, и применить силу против своего бывшего союзника по войне, но действительность заставляла генерала маневрировать.

Усилия Советского Союза не пропали даром: в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел ведущие державы мира согласовали свою

¹ См.: Ральф Лэпп. Убийство и свехубийство, стр. 54.

политику по урегулированию в интересах мира и безопасности наиболее острых, вызывавших опасения всей мировой общественности проблем послевоенного устройства на Дальнем Востоке. В Москве тогда встретились представители СССР, США и Англии; они обсуждали многие дальневосточные проблемы; в результате принятых в Москве решений Япония должна была пойти по пути мирного развития.

Московские решения создавали серьезные предпосылки для установления мира на Тихом океане, организации демократических, миролюбивых государств. Упорная борьба Советского Союза, широкий размах национально-освободительного движения в Азии, демократического движения в Японии и во всем мире вынудили западные державы, хотя в большинстве случаев на словах, признать необходимость осуществления международных соглашений (японские военные преступники должны были предстать перед Международным судом, в Японии должны были быть проведены демократические реформы).

Победа над мировым фашизмом во второй мировой войне явилась победой сил прогресса над силами реакции и милитаризма. Идеи социализма, мирного, независимого развития завоевывали все больше сторонников среди народов мира, в том числе и среди японского народа. С первых месяцев своего прибытия в Японию Макартур столкнулся с мощным движением за демократию и мир, за последовательное выполнение Потсдамской декларации. Волна этого движения угрожала захлестнуть штаб оккупационных войск. В этих условиях американская администрация, действуя часто против своего желания, вынуждена была отказаться от открытого провозглашения планов превращения Японии в «антикоммунистический» форпост в Азии. Генерал Макартур был обескуражен огромными масштабами стоящих перед ним задач. Отделы его штаба действовали в основном по собственной инициативе, в погоне за популярностью предпринимались шаги, которые, казалось, внешне не противоречат главным целям американской политики.

Революционные изменения в мире, в странах Азии заставили американских политиков маневрировать и склониться в конце концов к решительному использова-

Визит императора Хирохито к «супермикадо» Макартуру.

нию Японии в глобальных планах империализма США на Тихом океане. Пока не были ясны судьбы чанкайшистского режима, судьбы колониальных стран в Восточной Азии, сторонники использования Японии в качестве «сдерживающей» силы оставались в меньшинстве за столом планирования политики. Но вот начали исчезать последние иллюзии относительно использования Китая против национально-освободительного движения, против Советского Союза. Народы Индии, Бирмы добились создания своих независимых государств. В этих условиях в правящих кругах США окрепла решимость пересмотреть свою политическую линию в отношении Японии.

В Вашингтоне долго не задумывались над новыми схемами: к услугам правительства были давно вынашиваемые идеи Грю, Форрестала и многих других государ-

Президент США Трумэн, приказавший бомбить Хиросиму и Нагасаки, и генерал Макартур, стремившийся применить атомные бомбы в корейской войне,

ственных деятелей, которые еще в годы войны мечтали сохранить эту страну в качестве передового форпоста капитализма в Азии.

В то время когда империализм США начал военную авантюру в Корее, Япония обеспечивала тылы для агрессии; с военных баз, расположенных на японской территории, поднимались самолеты со смертоносным грузом, предназначенным для городов и сел Кореи. Агрессивные акции американского империализма сопровождались оживлением реакции в самой Японии. В мае 1952 г. созданная и вооруженная с помощью Макартура полиция обрушилась на первомайскую демонстрацию, была пролита кровь японских трудящихся. Сидя в кресле главы штаба оккупационных войск США в Японии, Макар-

тур и его коллеги усиленно стали предлагать своему правительству обрушить «град атомных бомб» на Корею, разрушить аэродромы и города, отравить целые районы и этой ценой «спасти Европу в Азии».

Чувствуя за своей спиной поддержку наиболее воинственно настроенных деятелей в США, Макартур требовал перенесения военных действий на территорию Китая, призывал использовать в этих целях чанкайшистские войска, находившиеся на Тайване. Провокационные планы наиболее авантюристического крыла в американском конгрессе были обречены на неудачу. Реалистически настроенные деятели в американском правительстве увидели, что если они пойдут за Макартуром, им придется заплатить гораздо большую цену, чем это кажется их соперникам по внутриполитической борьбе. Нельзя было не учитывать твердую и последовательную политику Советского правительства, направленную на достижение скорейшего и справедливого мира в Корее, а также то огромное политическое влияние, которое оказывала эта политика на внешнеполитический курс независимых стран Азии. В мире хорошо знали о предложениях СССР по мирному урегулированию в Корее. Все это вместе взятое, конечно, не могло не влиять на позицию США. Наиболее известные сторонники идеи локальных войн выступали против применения любого, будь то тактическое или стратегическое, атомного оружия. Противники применения атомного оружия в корейской войне справедливо считали, что этот акт приведет к отчуждению от США нейтралистских государств. Они понимали, что перенос военных действий на территорию КНР и использование в военных действиях атомного оружия может привести к серьезным для США осложнениям на мировой арене. В США опасались решительных мер со стороны Советского Союза в поддержку национально-освободительного движения. Англия также предупредила, что не одобрит мер, которые могут привести к расширению войны в Корее. В 1949 г., как известно, Советский Союз испытал атомную бомбу. Становилось ясно, что применение атомного оружия в корейской войне не могло бы остаться безнаказанным для Вашингтона.

Политика атомного шантажа на Дальнем Востоке, одним из главных глашатаев которой выступал

Макартур, потерпела крах. Президент Трумэн, не желая признать банкротство планов США в Корее, взвалил ответственность на Макартура. 11 апреля 1951 г. Макартур был смещен со всех постов: командующего «войсками ООН» в Корее, главнокомандующего американскими войсками на Дальнем Востоке и оккупационными силами в Японии.

За подготовку японо-американского союза взялся советник государственного департамента Джон Фостер Даллес (брат Аллена Даллеса, который руководил тайными переговорами с Токио еще в годы войны). 8 сентября 1951 г. японо-американский союз был юридически оформлен на конференции в Сан-Франциско.

Это не должно повториться

В мае 1965 г. в Индию прибыл генерал американских ВВС, руководитель военной миссии США в Индии. Прибытие этого генерала в Дели подействовало на индийскую общественность подобно взрыву бомбы. Индийская печать потребовала выдворения из страны этого генерала, назвала руководителя военной миссии США «величайшим убийцей в истории». Кто же этот американский эмиссар и почему навлек он на себя столь тяжкие обвинения? Его фамилия Тиббетс. Да, это тот самый Поль Тиббетс, бомбивший Хиросиму. Еще совсем недавно Тиббетс занимал пост начальника военного планирования объединенного военно-воздушного командования в Европе в Фонтенбло, в главной штаб-квартире НАТО во Франции. Находясь на этом посту, Тиббетс позволял себе роскошь цинично похвастать о разрушении Хиросимы. «Я успешно выполнил приказ, — говорил он, — который помог быстро закончить войну... Каких-либо личных переживаний у меня тогда не было, у меня их нет и сейчас. Если завтра будет нужно сбросить где-либо еще более разрушительную водородную бомбу, то я это сделаю точно так же»¹.

В Индии Тиббетсу пришлось забыть некоторые свои привычки и заговорить другим языком. Это и понятно. В Азии всегда с глубоким возмущением воспринимают деяния американских атомщиков. Взрыв недовольства в индийской прессе генерал воспринял как должное: «Я привык к такого рода вещам, — сказал он, — я хотел бы забыть все, что было. Но нельзя желать невозможного». Член отряда Тиббетса, бывший в то время майором, —

¹ «Международная жизнь», 1961, № 6, стр. 135.

Суини, ставший также генералом, не отстает от своего коллеги в циничной откровенности. На вопрос о том, что он думает по поводу бомбежки Хиросимы, Суини ответил: «Я ни о чем не сожалею. Если бы мне пришлось повторить, я сделал бы это не колеблясь». Сколько подобного рода атомных маньяков в армии США!

Однако многих участников разрушения Хиросимы мучили угрызения совести. «Сны? Я часто видел страшные сны, — говорил второй пилот «Энолы Гэй» Роберт Льюис. — Я работаю здесь в Нью-Йорке, как и миллионы других. Мне очень хочется вечерами прийти домой к жене и детям. Но часто, когда я вижу своих детей, меня охватывает страх. Если бы только некоторые государственные деятели видели то, что мы видели тогда, они не могли бы спать спокойно ни одной минуты до тех пор, пока они не были бы уверены, что бомба никогда больше не будет сброшена».

...Печальная судьба ожидала пилота-разведчика, наводившего «Энолу Гэй» на цель. Майор Клод Роберт Изерли уволился из военно-воздушных сил США «с почетом», с пенсией в 237 долларов в месяц. В его документах значилось: «Психическое расстройство, связанное с пережитым за океаном». Майора не покидали кошмары. Ночью он будил домочадцев страшным криком: «Дети! Дети!» Трагедия этого человека закончилась тем, что он вскрыл вены¹. В судьбе Изерли, во взглядах Льюиса нашел отражение кризис совести Америки, которой противостоит откровенный цинизм и грубый расчет силы.

За прошедшие со времени войны годы американская военщина создала разветвленную систему насилия с центром в Пентагоне. В Пентагоне, в здании, строительство которого стало опытной площадкой для атомщика Лесли Гровса и обошлось правительству США в 83 млн. долларов, всегда царит оживление: работают 19 эскалаторов, курьеры разъезжают по коридорам, имеющим длину 28 км, на трехколесных велосипедах. Сюда каждое утро приходят 27 тыс. служащих. А в подвалах Пентагона расположен командный пункт военно-воздушных сил и национальный военный командный центр, поддер-

¹ См.: «Международная жизнь», 1961, № 6, стр. 135.

живающий связь с президентом. Отсюда паутиной расходятся нити управления гигантской военной машины: бомбардировщиками с ядерным грузом, подводными лодками с ракетами «Поларис», установками ракетно-ядерного вооружения. Когда-то в этом здании обсуждался приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Какие новые чудовищные решения могут созреть в Пентагоне?

За послевоенные годы произошла военно-техническая революция, которая привела к качественным изменениям в средствах поражения и средствах доставки их к цели. Бомбардировщик «Энола Гэй» сбросил над Хиросимой бомбу, мощность взрыва которой составляла приблизительно 20 килотонн. Спустя двадцать лет после трагедии Хиросимы на вооружении армий ведущих держав мира оказались бомбы по 10, 25, 50 и 100 мегатонн. А ведь на бомбу мощностью в 1 мегатонну требуется столько расщепляющегося материала, сколько было бы необходимо для 50 бомб типа бомбы, сброшенной на Хиросиму¹.

В 1963 г. на каждого жителя земли приходилась взрывная сила, эквивалентная более чем 100 т тринитротолуола, а разрушительная сила накопленных взрывчатых веществ к середине 60-х годов в 53 раза превышала силу всех взрывчатых веществ, использованных во время второй мировой войны.

Трудно себе представить современную ядерную войну, ее последствия для человечества. Но специалисты утверждают, что если не предотвратить третью мировую войну, то взаимные термоядерные удары уничтожат около миллиарда людей, сотни миллионов жителей нашей планеты будут обречены на гибель в результате радиоактивных излучений, голод и разрушения будут неизбежно сопутствовать термоядерной войне. Весь земной шар превратится в арену массового истребления людей. Угроза подобного рода трагедии глубоко волнует всех честных людей мира, в том числе и многих американцев.

Однако американское правительство в послевоенные годы встало на опасный путь борьбы за достижение

¹ См.: Ральф Лэпп. Убийство и сверхубийство, стр. 40.

атомного превосходства. Президент Трумэн, уже принявший однажды роковое решение, заявил: «Мы должны быть впереди». Лозунг, провозглашенный в свое время Трумэном, стал отныне оправданием безумной гонки вооружений в США. Со времен Хиросимы в Вашингтоне пытались планировать свою политику «с позиции силы» на основании соображений о стратегических преимуществах. После успешных испытаний атомной бомбы в Советском Союзе в США стали вынашивать новый проект водородной бомбы. Эдварда Теллера называли в США «отцом» нового оружия.

Долгое время качественный и количественный рост стратегической авиации питал в США иллюзии относительно превосходства перед Советским Союзом в средствах доставки оружия к цели. Однако совершенствование средств обороны в Советском Союзе, где были созданы качественно новые средства доставки ядерного оружия к цели — межконтинентальные ракеты, заставило американских политиков пересмотреть свои внешнеполитические установки. Лопнули надежды на то, что война не затронет территорию США. Но и тогда американские пропагандисты войны не остановились: появилась новая теория «ядерного выживания». Одним из активных сторонников этой теории и стал «отец водородной бомбы» Эдвард Теллер. Казалось бы, ученый, которому, как никому другому, лучше всего известны возможные трагические последствия термоядерной войны, выступит, как и его бывшие коллеги Сцилард, Франк и др., против подготовки войны. Но Теллер встал рядом с американскими «ультра». Он считает, что термоядерная война принесет победу США даже при «определенных жертвах» и разрушениях.

Американские ученые теперь изучают возможные результаты современной ядерной войны для США, анализируя для этого данные о последствиях атомного удара по Хиросиме и Нагасаки. Дэвид Хир — научный сотрудник Гарвардской школы народного здравоохранения в Бостоне попытался решить задачу: каковы будут изменения в численности и составе населения США в течение первых двадцати лет после ядерного удара. В своей работе он решил подвергнуть сомнению утверждения помощника министра обороны США Питмана о том, что в результате обмена ядерными ударами в кон-

це 60-х — начале 70-х годов при отсутствии широкой системы убежищ потери среди американского населения составили бы 150—165 млн. человек из общего числа в 185—200 млн. Хир отметил гораздо меньшую цифру людских потерь собственной страны, т. е. пришел к выводу, который в большей степени удовлетворяет сторонников «ядерного выживания», нежели соображения Питмана.

В 60-х годах резко обострилась международная обстановка. В Юго-Восточной Азии бушует военный пожар. США превратили Индокитайский полуостров в полигон для испытания новейших образцов вооружения. В то время как дипломаты США говорят о своих миролюбивых устремлениях, от бомб и пуль американского производства на вьетнамской земле гибнут женщины, старики и дети, льется кровь ни в чем не повинных людей. Советское правительство, все миролюбивые силы нашей планеты требуют прекратить преступления американской военщины на вьетнамской земле, настаивают на скорейшем достижении мира в этом районе. Районы Азии, Африки, Латинской Америки стали сейчас местом частых, весьма опасных вооруженных столкновений, именно в этих районах мировая реакция пытается задушить национально-освободительное движение.

Ныне возросло число точек на земном шаре, где усилилась опасность возникновения ядерного пожара. Монополии ведущих держав капиталистического мира в гонке вооружений ищут панацею от экономических потрясений. Производство вооружений является крупнейшим и весьма прибыльным бизнесом для американских военно-промышленных концернов. Несомненно, что агрессивные действия Соединенных Штатов во Вьетнаме предприняты в значительной степени в результате нажима на правительство крупных концернов, заинтересованных в военных заказах.

Бывший министр обороны США Макнамара на секретном заседании одной из подкомиссий Комиссии палаты председателей по делам вооруженных сил выступил с программой стратегических ракетных сил. По его мнению, стратегические ракетные силы, рекомендуемые на финансовый период 1967—1971 гг., обеспечат «более значительную мощь, чем необходимо для создания гарантированного потенциала уничтожения как Советского

Союза, так и коммунистического Китая»¹. Макнамара настойчиво продолжал традиции твердолобых генералов американской армии, таких, как Лесли Гровс и Макартур, тех, кто превозносил культ силы, отрицал необходимость учета реальной обстановки.

К чему приводят подобного рода нереальные соображения? Взять к примеру хотя бы идею о создании противоракетных систем, с помощью которых можно уничтожить межконтинентальные ракеты, находящиеся на пути к цели. Бюджетом США в 1965 г. на исследования в этой области было предусмотрено 400 млн. долларов. Более 2 млрд. долларов (т. е. столько, сколько пошло на осуществление «Манхэттенского проекта» в годы войны) было уже израсходовано на создание новых радиолокаторов, счетно-решающих устройств и ракет-перехватчиков с ядерными боеголовками «Ника-Х» и «Спринт». Американская программа противоракетной системы подверглась острой критике со стороны ведущих специалистов США во главе с профессором Массачусетского технологического института Джеромом Визнером. Современные американские ученые выдвигают по сути дела те же аргументы, с которыми в свое время выступали Фрэнк, Сцилард и др.

Политику США в области вооружений критикуют не только ученые, но и генералы. Американский генерал в отставке Хью Хестер, обращаясь к истокам атомной дипломатии, пишет, что заявлять о том, будто американские руководители были готовы, желали и даже стремились сотрудничать с Советским Союзом в конце второй мировой войны, но им помешала советская программа мирового господства, — значит заниматься грубой фальсификацией.

Опасность распространения ядерного оружия стала вполне очевидной в 60-х годах XX века. Увеличилось число стран, готовых иметь это оружие. К каким последствиям может привести распространение атомных бомб по земному шару?

На территории ФРГ круглосуточно стоят готовые к вылету в любую минуту «старфайтеры». Их баки всегда полны горючим, включено электронное оборудование...

¹ Цит. по ст.: Г. Р а т н а н и. Напрасно бахвалится Роберт Макнамара. «Правда» от 30 января 1966 г.

Эти боевые машины двух эскадрилий «Люфтваффе» стоят в центре четырехугольника, очерченного желтой полосой. Через эту полосу немецкий пилот может перешагнуть лишь с разрешения Вашингтона. Зачем такая предосторожность? Дело в том, что под фюзеляжами машин эскадрильи «Люфтваффе» подвешены атомные бомбы. «Люфтваффе» имеет на своем вооружении и ракеты «Першинг», ядерные боеголовки которых также находятся под контролем американцев. Но Бонн тяготеет к любому контролю, его правители хотят сами решать, когда немецкому пилоту можно нажать рычаг «старфайтера». А для этого, считают в Бонне, необходимо открыть двери в арсенал атомного оружия, добиться прежде всего участия ФРГ в осуществлении ядерной стратегии НАТО, а затем и права на владение ядерным оружием. Боннские политики, пытаясь создать благоприятную для осуществления своих планов обстановку, занялись широкой пропагандой тезиса об опасности с Востока, о «русской угрозе».

Бывший канцлер Эрхард и его приближенные открыто заявляли, что западный проект создания «многосторонних ядерных сил НАТО» является «ответом на угрозы со стороны Советского Союза». Каковы же подлинные цели сторонников этого плана? По-разному на эти вопросы отвечает сама западногерманская пресса. «Ауссенполитик» в октябре 1961 г. отвечал на этот вопрос так: ядерное оружие необходимо Бонну, чтобы «определять политику других держав или принимать решение о войне и мире». Орган западногерманских военных «Веркунде» был более откровенным: в 1960 г. он писал, что с помощью ядерного оружия необходимо «избавить себя от холодной войны при помощи войны горячей, в том числе и с применением ядерного оружия». Этот журнал сожалел о том, что не было атомного оружия у Гитлера. По мнению этого журнала, атомное оружие позволило бы стереть с лица земли Ленинград и Москву (!?)¹.

На опасный путь встали в Бонне. А в Вашингтоне? Там, казалось, забыли уроки второй мировой войны и

¹ См.: Г. М. Свердлов. Лондон и Бонн. Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955—1963 гг.). М., 1963, стр. 143—144.

Атомный подводный взрыв (атолл Бикини).

снова, как и раньше, пытаются создать «баланс сил» в Европе. Ради этого превращен Техас в настоящий полигон бундесвера. Тысячи западногерманских летчиков и ракетчиков проходят курс обучения в США, в специальных школах и на базах.

Американская военщина, используя НАТО, проткрыла практически Бонну двери к ядерному оружию. Из 10 тысяч ядерных боеголовок, сосредоточенных в Западной Европе, 5 тысяч переданы бундесверу и другим союзникам США по НАТО.

Во время двух мировых войн американская буржуазия, прикрываясь освободительными лозунгами, с огромным удовлетворением подсчитывала военные прибыли. Политика «баланса сил» приносила немалые доходы американским монополиям. Теперь положение изменилось. Оружие гигантской разрушительной силы, созданное человеком, внесло существенные поправки в современные американские теоретические концепции. Политика поощрения «расшалившегося мальчика на Рейне» не может уже привести к тем же благополучным для американского империализма результатам, какие были после двух мировых войн. Вооружая ФРГ атомным оружием, Вашингтон создает бумеранг, сила которого может — и об этом говорят уроки истории — обратиться против самих Соединенных Штатов Америки.

Айкити Кубояма.

Дальнейшее распространение ядерного оружия в мире усиливает угрозу случайного возникновения конфликта, а также опасность радиоактивного заражения населения.

...Весной 1954 г. из маленького японского порта Яндзу на лов тунца направилось небольшое рыбацкое судно «Счастливый дракон». 1 марта траулер, как обычно, бороздил спокойные воды океана, а рыбаки в ожидании начала лова приступили к завтраку. Но вот на Западе они увидели яркую вспышку, сопровождавшуюся громовыми раскатами. Из надвинув-

шегося на судно тумана стала вдруг выпадать бело-серая пыль. Никто из японских рыбаков не знал, какую угрозу таит в себе этот, казалось бы, ничем не примечательный пепел. Но вскоре обитатели «Счастливого дракона» почувствовали себя плохо. И только в Японии рыбакам сказали, что они попали в зону поражения атомного взрыва. Для радиста судна Айкити Кубояма это сообщение уже не имело значения: 23 сентября в возрасте 40 лет он умер от лучевой болезни. У 23 членов экипажа были отмечены симптомы лучевой болезни.

Бело-серый пепел появился на палубе «Счастливого дракона» не от атомного, а от термоядерного взрыва. 1 марта 1954 г. группа вооруженных сил США провела испытания «Браво» — взрыв термоядерного устройства на атолле Бикини. Продукты от взрыва распространились на площади около 18 тыс. кв. км¹.

Спустя почти 12 лет после взрыва на Бикини, у берегов Атлантики вновь произошло событие, заставившее заговорить весь мир. 17 января 1966 г. жители испанской провинции Альмерия были потрясены внезапной вспышкой в небе и грохотом взрыва. В воздухе над деревней Паломарес столкнулись два мощных самолета ВВС США: бомбардировщик «Б-52» и самолет-заправ-

¹ См.: Ральф Лэпп. Убийство и свержение, стр. 68.

щик «КС-135». Казалось бы, обычная авария. Но вся трагедия заключалась в том, что бомбардировщик «Б-52» был атомным. Пилот перед катапультированием успел нажать кнопку, и атомные бомбы на парашютах опустились на землю и в море. Так были потеряны четыре ядерных устройства у берегов Испании. Долгое время в районе катастрофы царил тревога: на дне моря был найден источник радиации. У одной из бомб, как сообщала печать, взорвался тротильный детонатор и осколки смертоносного оружия стали испускать радиоактивные лучи. Более тысячи человек пострадали от радиоактивного заражения. Многие пришлось пережить местному населению прибрежных районов Испании, где шли усиленные поиски утерянных бомб.

Как стало известно из сообщений печати, две бомбы, «потерянные» у берегов Испании, были мощностью в 25 мегатонн каждая. На одну такую бомбу потребовалось расщепляющего материала в 1250 раз больше, чем пошло на бомбу типа сброшенной на Хиросиму. Две термоядерные бомбы, потерянные в Испании, в 3340 раз сильнее, чем атомная бомба Хиросимы. Что было бы, если б такая бомба взорвалась? Этот вопрос не может не волновать всех мыслящих людей нашей планеты.

Много раз попадали в аварию самолеты стратегической авиации США с атомными бомбами на борту. Эти катастрофы случались как над территорией США, так и над территорией их союзников.

Мюнхенский журнал «Квик» перечислил 14 катастроф, которые могли привести к ядерному взрыву:

«5 февраля 1958 года, штат Джорджия (США). Бомбардировщик «Б-47» «уронил» ядерную бомбу.

11 марта 1958 года, штат Северная Каролина (США). Ядерная бомба сорвалась с самолета и упала рядом с жилым домом в городе Флоренса.

4 ноября 1958 года, штат Техас (США), аэродром Дайес. Потерпел аварию легкий бомбардировщик с грузом атомных бомб.

26 ноября 1958 года, город Шеннолт, штат Луизиана (США). В полете загорелся бомбардировщик «Б-47» с ядерным оружием на борту.

6 июля 1959 года, военно-воздушная база Барксдейл. Терпит аварию при взлете самолет, транспортирующий ядерное оружие.

15 октября 1959 года, штат Кентукки (США). Погиб бомбардировщик «Б-52» с двумя ядерными бомбами.

24 января 1961 года, аэродром Сеймур-Джонсон (США). Близ аэродрома разбился бомбардировщик «Б-52», вооруженный ядерными бомбами.

14 марта 1961 года, аэродром Бил. Погиб при тренировочном полете бомбардировщик «Б-52» с ядерной бомбой на борту.

13 января 1964 года, штат Мэриленд (США). У города Камберленд погиб бомбардировщик «Б-52» с двумя ядерными бомбами на борту.

8 декабря 1964 года, Бенкер-Хилл, штат Индиана (США). В полете загорелся сверхзвуковой бомбардировщик «Б-58» с водородной бомбой на борту.

9 августа 1965 года, Литл-Рок, штат Арканзас (США). Пожар в ракетном бункере, взрыв боеголовки удалось предотвратить.

12 октября 1965 года на одном из аэродромов в штате Огайо (США) загорелся груженный ядерными бомбами огромный транспортный самолет.

17 января 1966 года в районе Альмерии (Испания) терпит катастрофу бомбардировщик «Б-52» с четырьмя ядерными бомбами на борту.

19 января 1966 года в порту Мейпорт (США) ракета с ядерной боеголовкой падает на палубу фрегата¹.

В 1962 г. угроза катастрофы нависла над Соединенными Штатами. Бомбардировщик «Б-52» сбросил одну из своих бомб в 25 мегатонн на территории США. По свидетельству физика Р. Лэппа, сработал лишь один из шести предохранителей на бомбе².

21 января 1968 г. у берегов Гренландии разбился бомбардировщик стратегической авиации США «Б-52», базирующийся на аэродроме близ Туле (Гренландия). Обломки самолета вместе с находившимися на его борту ядерными бомбами ушли под лед, на глубину в несколько сот футов. За катастрофу у берегов Гренландии, которая привела к радиоактивному заражению большой территории, несут ответственность не столько летчики,

¹ «14 раз на краю катастрофы». «За рубежом», 1966, № 8, стр. 27.

² Там же.

Садако Сасаки умерла в возрасте 12 лет. Причина смерти — последствия атомного взрыва.

сколько официальный Вашингтон. Преступная игра с ядерной смертью вызвала новую волну возмущения во всем мире.

Министр иностранных дел Дании напомнил США, что военные самолеты с ядерным оружием на борту не должны летать ни над Гренландией, ни над какой-либо другой датской территорией.

Долгое время, как отмечали ученые, счастливая случайность оберегала от взрыва. Но если случайность не повторится? Миллионы людей будут сожжены тепловым излучением, поражены смертоносной проникающей радиацией, огромная территория будет подвержена долговременному радиоактивному заражению.

В Японии, как ни в какой другой стране мира, знают, что несет с собой пепел атомных и термоядерных взрывов.

Спустя пятнадцать лет после взрывов над Хиросимой и Нагасаки 230 тысяч человек в Японии все еще страдали от различных болезней, вызванных атомной радиацией. 7693 человека умерли в Хиросиме с 1951 по

Памятник детям—жертвам атомной бомбы.

Устремленные вверх руки девочки поддерживают журавлика.

1958 год от последствий атомной бомбардировки¹. И это лишь сухие и, может быть, далеко не полные цифры официальной статистики.

...Журавли, гласит японское поверье, живут тысячу лет. Они — символ долголетия. Двенадцатилетняя девочка Сасаки должна была свернуть из бумаги тысячу журавликов, но успела сделать только 644. В память о юной жертве Хиросимы поставили памятник. Он стоит на трех столбах, напоминающих атомную бомбу.

Насторожитесь! Колокол бьет.
И видеть повсюду должны мы
Журавлика, выпущенного
в полет
Девочкою Хиросимы.
Бумажный журавлик, в небе
плыви!
Взрыв атомный не убывает.
Смерть — белогвардейка:
она в крови
Шарики красные убивает.

(Р. Гамзатов, Колоколов Харосуми)

Заключение в 1963 г. Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах: в атмосфере, космическом пространстве и под водой, конечно, уменьшило опасность повторения трагедии Бикини. Но наро-

¹ См.: Герберт Аптекер. Внешняя политика США и «холодная война», стр. 328.

«Марш мира»: Их родные погибли от американской атомной бомбы.

ды убедились на практике, к чему приводит дальнейшая гонка вооружений, усиление атомного психоза. Именно об этом говорит катастрофа у берегов Испании над деревней Паломарес.

В то время как в Японии трудящиеся протестуют против захода атомных подводных лодок в японские гавани, испанские рабочие, крестьяне, студенты, интеллигенция с целью предотвратить новые преступления аме-

риканской военщины требуют ликвидировать договор о военных базах с США.

Гренландская катастрофа грозным эхом отозвалась у берегов Японии. Вскоре после этого трагического случая Окинава стала местом постоянного базирования «Б-52». Те же самые носители ядерной смерти совершают патрульные полеты над Тихим океаном, а в японском порту бросает якорь атомный авианосец США «Энтерпрайз». Американская военщина рука об руку с японской реакцией пытается открыть путь к превращению Японии в ядерную базу США. В этой обстановке японские трудящиеся отметили 1 марта 1968 г. «День Бикини». Японские борцы за мир собрались в этот день в рыбачий поселок Яндзу почтить память Айкити Кубояма — жертвы первой американской водородной бомбы, взорванной над Бикини 1 марта 1954 г. Демонстранты в Яндзу обратились к японскому народу с призывами: «Не допустить повторения Хиросимы и Нагасаки во Вьетнаме! Продотвратить ядерную войну! Полностью запретить атомное оружие! Оказывать помощь жертвам ядерных взрывов!» Три оппозиционные партии — Социалистическая, Коммунистическая и Комэйто, отражая волю прогрессивной общественности Японии, внесли в парламент общий проект «Декларации о ядерном невооружении Японии». Как отмечала газета «Акахата», декларация определила пять задач, способных объединить всех людей доброй воли Японии:

- «— противиться ввозу в Японию любого ядерного оружия, а также заходу атомных военных кораблей в японские порты;

- противиться ядерному вооружению Японии, включая оснащение сил самообороны ракетами с ядерными боеголовками, и отечественному производству такого оружия;

- требовать ликвидации ядерных баз на Окинаве, пресекая попытки создать такие же базы в Японии под предлогом решения окинавской проблемы;

- добиваться полного запрещения ядерного оружия;

- требовать от правительства полного медицинского обслуживания жертв атомных бомб»¹.

¹ «Правда» от 2 марта 1968 г.

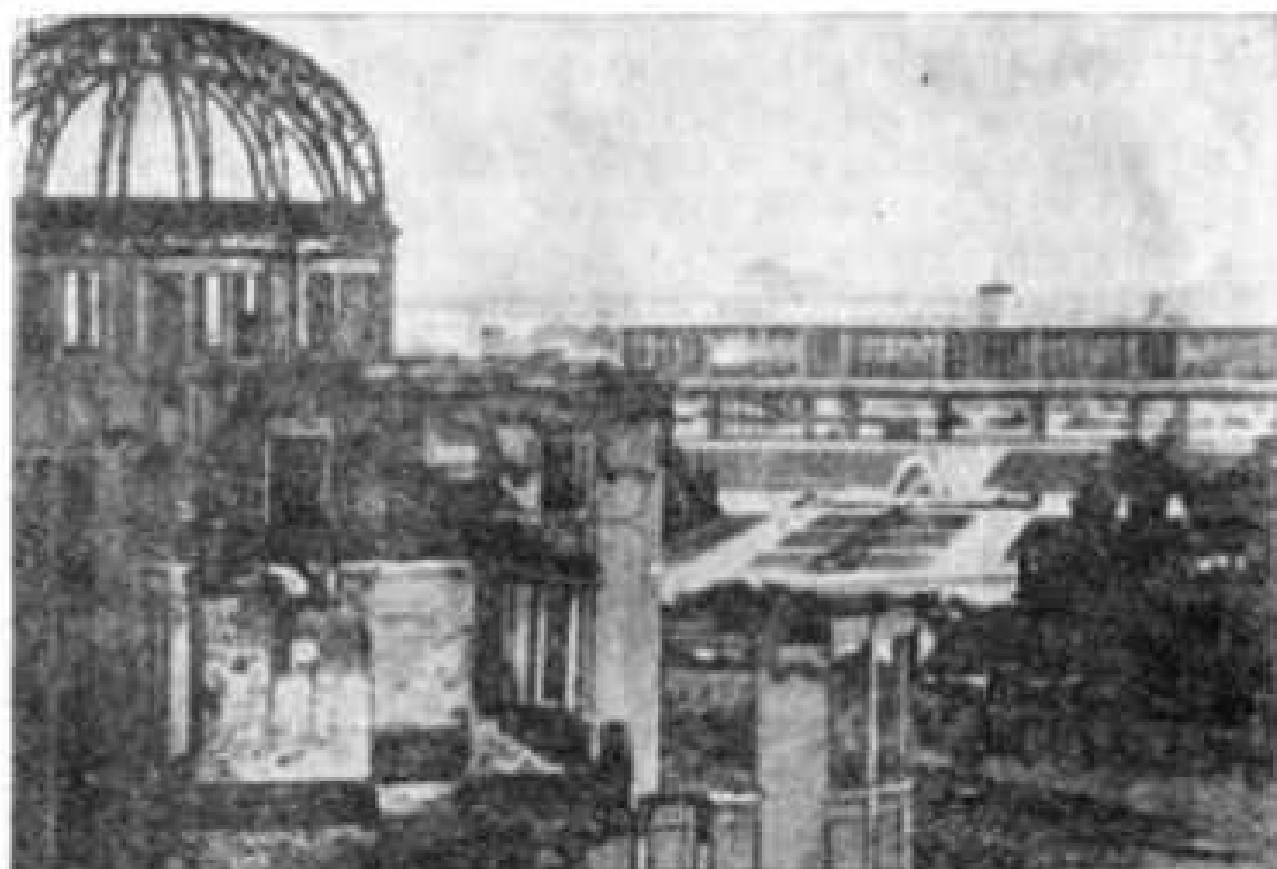
...Каждый, кто приезжает в Хиросиму, обязательно придет в Парк Мира. Здесь стоит необычный памятник жертвам пережитой трагедии. Этот памятник, в отличие от других, не создан руками людей: суровым напоминанием человечеству служат и поныне руины «Атомного дома». Каркас каменного здания, торчащие в разные стороны перекошенные стальные балки — печальная картина нагромождения молчаливых камней Хиросимы.

Время готово было стереть «Атомный дом» — памятник трагедии 1945 г. Опаленные камни этого «безмолвного проповедника мира» покрывались все новыми и новыми трещинами, израненные камни, казалось, тяготились пережитым, готовы были упасть и унести с собой память об огненном смерче. Но общественность Хиросимы обратилась с призывом к японскому народу увековечить память о первой атомной бомбе, сохранить «Атомный дом» таким, каким он остался после атомного взрыва. Ассоциация жертв атомного взрыва возглавила сбор средств на реставрацию реликвии. Всего было собрано 66 804 252 иен. Ко дню Хиросимы 1967 г. реставрационные работы были завершены. В этот день состоялось торжественное открытие каменной плиты. На ней высечена надпись: «Атомный дом. Развалины здания, в 600 метрах над которым 6 августа 1945 года взорвалась в воздухе первая в истории атомная бомба. Эта единственная бомба погубила более 200 тысяч человеческих жизней и испепелила город в радиусе двух километров. Чтобы передать потомкам правду об этой трагедии и предостережение человечеству, на деньги, пожертвованные множеством миролюбивых людей внутри и вне Японии, проведена реставрация руин, дабы сохранить их на века.

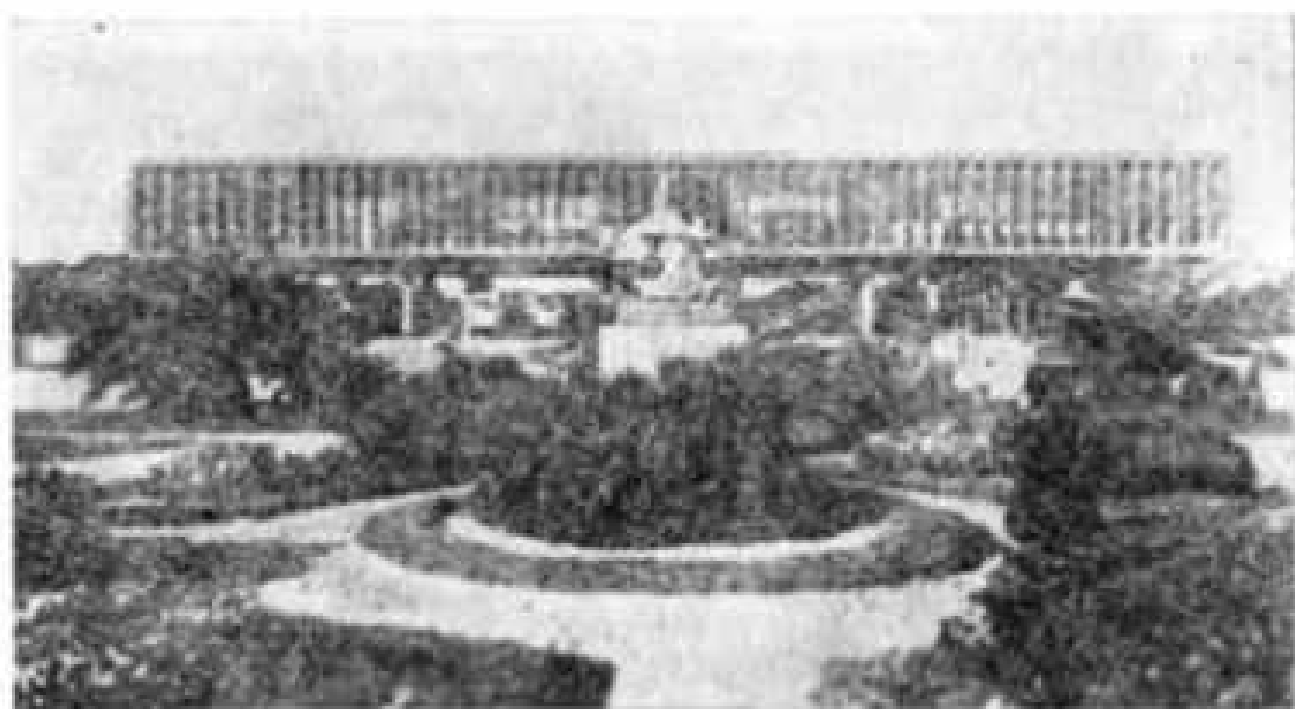
6 августа 1967 года. Город Хиросима»¹.

Камни Хиросимы говорят о прошлом лишь тому, кто живо представляет ад атомного пожара. Напротив «Атомного дома» беззаботно играют дети, их непосредственные забавы такие же, как и у всех детей мира; приезжий посмотрит на них — и не поверит мертвому камню. Но рядом, на набережной Айой, в полуразрушен-

¹ Цит. по ст.: В. Овчинников, Пепел Хиросимы и кровь Вьетнама. «Правда» от 7 августа 1967 г.

«Атомный дом» и Парк Мира в Хиросиме.

Мемориальный музей атомной бомбы в Хиросиме.

ных лачугах нашли приют живые свидетели трагедии 6 августа 1945 г. «Хибакуся» (облученные) — так зовут людей, переживших взрыв атомной бомбы над Хиросимой и пораженных этим взрывом. Считают, что к 1964 г. насчитывалось до 90 тыс. «хибакуся». Кажется, что внешне «хибакуся» мало чем отличаются от обычных людей. Однако тот, кто знает несчастье этих людей, избегает их общества. У «хибакуся» специалисты наблюдали странный «комплекс виновности»: они стыдятся самих себя, стыдятся своего горя. «Проклятие, которым они отмечены, не исчезает со временем, — утверждает американский профессор Рэйнольдс. — Напротив, с годами оно как бы усугубляется. Их «вина», тяжкая и неискупимая, состоит в том, что они остались в живых»¹.

Есть один свидетель хиросимской трагедии, хранившийся 22 года американской военщиной в подвалах военного ведомства. Многие годы японская общественность добивалась возвращения в Японию документального кинофильма о последствиях атомной бомбардировки. Группа японских кинооператоров сняла этот фильм сразу же после взрыва атомной бомбы. Оккупационные власти немедленно конфисковали пленку и американские военные хранили ее в качестве трофея. Срок хранения явно затянулся: опасения, что фильм окажет глубокое психологическое воздействие на зрителя, возбудит еще большую ненависть к инициаторам хиросимской трагедии, заставлял США воздерживаться от удовлетворения требований японских сторонников мира. О чем рассказывает этот свидетель, возвращенный ныне в Японию? Перед зрителем открывается потрясающая картина: мертвая Хиросима, груды развалин на месте железобетонных домов, остовы трамваев и обожженные трупы пассажиров, занимающие то же положение, в котором застал их взрыв. Дома изрешечены осколками стекла и — здесь напряжение зрителя достигает кульминационного момента — люди... они бредут вереницами, головы с обгоревшими ушами, лица с пустыми отверстиями глазниц. Длинные очереди у медицинских пунктов, но зритель знает, что никакие лекарства уже не спасут тех, кто подвергся значительным дозам облучения, и

¹ «За рубежом», 1964, № 1, стр. 25.

японские операторы запечатлели их последние минуты, часы, дни жизни¹.

Последний раз атомное оружие было использовано над японским городом Нагасаки. С того времени мир не раз находился на грани ядерной катастрофы. Президент Трумэн, принявший решение сбросить атомную бомбу на Хиросиму, не осмелился повторить хиросимскую трагедию в Корее, остановил Макартура. Следующий президент США Эйзенхауэр угрожал атомной бомбой вьетнамскому народу в 1954 г., когда вьетнамские патриоты нанесли удар колонизаторам в крепости Дьен-Бьен-Фу. Ныне известный американский ученый-атомник Ральф Лэпп, рассуждая о вариантах применения Соединенными Штатами ядерного оружия, предупреждает: «Нынешние водородные бомбы в тысячи раз мощнее атомных бомб модели «Т», которые уничтожили японские города во время второй мировой войны...Чтобы разрушить Ханой, достаточно мощной атомной бомбы». Но к чему бы это привело? Лэпп отвечает: «Взрывная волна прокатилась бы по всему земному шару, и ее отзвуки никогда не прекратились бы. Политические последствия перевесили бы стратегические выгоды. Ханой стал бы второй Хиросимой»².

Человечеству необходим мир. Мировая война, если не остановить руку ее поджигателей, отбросит человечество на несколько веков назад и, конечно, только «бешеные» из стана американской реакции, абсолютно потерявшие чувство реальности, могут тешить себя рассуждениями о «ядерном выживании».

Мир! Он имеет огромное значение для революционных процессов, происходящих в Азии, Африке и Латинской Америке. Только в условиях мира молодые государства, недавно вставшие на путь строительства независимой национальной экономики, могут обеспечить поступательное движение вперед. Одна из основных проблем, с которой столкнулись развивающиеся страны,— это проблема острой нехватки капиталов, низкий уровень накопления, обуславливающий недостаточные тем-

¹ См.: «Свидетель атомной трагедии». «За рубежом», 1968, № 3, стр. 30.

² Ральф Лэпп. Тень ядерного гриба, «За рубежом», 1965, № 39, стр. 8.

ры экономического роста. Население молодых государств, сравнительно недавно освободившихся от прямой колониальной зависимости, страдает от голода и болезней, тяжелых условий жизни, нищеты, массы людей остаются неграмотными, для большинства из них недоступно элементарное медицинское обслуживание. А в это время драгоценные плоды человеческого разума и труда идут на совершенствование все более и более варварских средств уничтожения цивилизации.

Для ликвидации этих ужасных последствий колониализма необходим мир, необходимо освобождение нынешнего и будущих поколений от невыносимого бремени вооружений.

Предложения Советского Союза по разоружению направлены на сохранение и упрочение мира, против вооруженного вмешательства в дела других стран и народов. Советское правительство всегда настаивало на необходимости безотлагательного заключения Договора о нераспространении ядерного оружия. Советские люди полностью отдают себе отчет в том, что если не положить предела распространению в мире ядерного оружия, то опасность возникновения ядерной войны увеличится многократно.

Жизнь требует принятия незамедлительных мер по разоружению. 1 июля 1968 г. в Москве, Вашингтоне и Лондоне был открыт для подписания Договор о нераспространении ядерного оружия. Значение этого события поистине огромно. Ведь обладателями ядерной бомбы, как подсчитали глубоко встревоженные специалисты, смогут стать в ближайшее время около полутора десятков государств. Необходимость заключения такого договора давно назрела. Это понимали многие государственные деятели различных стран мира, за это боролись политические партии, общественные организации, все прогрессивные силы, обеспокоенные сползанием человечества к ядерной катастрофе. В итоге длительной борьбы родилась договоренность по самому актуальному вопросу современности, касающемуся нераспространения ядерного оружия. В день начала подписания договора о нераспространении Советский Союз выступил с новой инициативой. В «Меморандуме правительства СССР о некоторых неотложных мерах по прекращению гонки вооружений и разоружению» от 1 июля 1968 г. предла-

гаются, в частности, следующие мероприятия: запрещение применения ядерного оружия, прекращение производства ядерного оружия, сокращение его запасов и последующее полное запрещение и ликвидация ядерного оружия под соответствующим международным контролем, ограничение зон плавания подводных лодок-ракетоносцев, запрещение подземных испытаний ядерного оружия, запрещение применения химического и бактериологического оружия, ликвидация иностранных баз на чужих территориях, закрепление в надлежащей форме такого режима для дна морей и океанов, который обеспечил бы их использование только в мирных целях.

Советский Союз по-прежнему выступает за региональное разоружение, создание безъядерных зон в различных районах мира. Советская программа разоружения находит горячий отклик миролюбивой общественности всего мира.

Вопрос о ликвидации иностранных баз и выводе иностранных войск с чужих территорий непосредственно связан с вопросом о государственном суверенитете молодых государств, связан с судьбами национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Военные базы, наземные, военно-воздушные и военно-морские, на которых, как правило, размещается ядерное оружие, словно злокачественные опухоли осели на территориях Азии, Африки и Океании. Эти базы располагаются на важнейших международных воздушных трассах и стратегических морских коммуникациях, пересекающих необъятные просторы Тихого, Атлантического и Индийского океанов; они выполняют функции стратегических плацдармов и выгодных аванпостов сил империализма, направленных против национально-освободительного движения.

О том, какую опасность несут американские базы и войска на чужих территориях, свидетельствует варварская агрессия США против народа Вьетнама. Американская военщина использует для своих авантюр базы своих союзников по НАТО. Английская колония Гонконг стала местом стоянки американских военных кораблей, участвующих в войне против вьетнамского народа. В числе кораблей, бросавших якорь в Гонконгской бухте, были ядерный авианосец «Энтерпрайз» и атомный фрегат-ракетоносец «Бейнбридж». Звездно-полосатый флаг

США над военными базами можно увидеть на Дальнем Востоке и в Африке, на Ближнем Востоке и в других районах мира. Но колониализм других империалистических держав представляет не меньшую опасность для народов Азии и Африки, чем американский. Колонизаторы различных мастей, будь то американские, английские или португальские, выступают единым фронтом против национально-освободительного движения. Империалисты с удовлетворением потирают руки, когда между молодыми государствами возникают территориальные конфликты. Они ищут в этих конфликтах повод для размещения в Азии и Африке ядерных сил, опираясь на которые можно было бы вмешиваться во внутренние дела молодых государств.

Важно отметить, что участие ряда африканских, азиатских и латиноамериканских стран в группировках, создаваемых под эгидой империалистов, ведет к резкому ухудшению положения народных масс, взваливает на их плечи непомерно тяжелое бремя расходов.

Советский Союз осудил политику использования империалистами чужих территорий под иностранные базы. Словно глубокий источник опасной инфекции в организме, эти базы разрушают нормальную политическую и экономическую жизнь государств, которым они навязаны. Советский Союз настоятельно требует полной ликвидации иностранных военных баз и вывода войск с чужих территорий с тем, чтобы обезопасить мир от очагов колониализма и агрессии. Советские предложения по разоружению приобретают огромное значение именно сейчас, когда в небывалых размерах выросла ядерная мощь государств, владеющих ядерным оружием, когда увеличилось число государств, имеющих ядерное оружие или претендующих на обладание им. Позволить и дальше распространять ядерное оружие — значит поставить мир под еще большую угрозу. Трезвомыслящие деятели развивающихся стран видят в разоружении, предотвращении распространения ядерного оружия не только средство сокращения вооружений и запасов ядерного оружия, но и путь для устранения угрозы для национально-освободительного движения, гарантию невмешательства во внутренние дела молодых суверенных государств.

Усилия Советского Союза, других социалистических

стран, молодых нейтралистских государств, сторонников движения за мир, — усилия, направленные на решение задач разоружения, запрещения производства и испытаний ядерного оружия, на ослабление международной напряженности, наталкиваются на бешеное сопротивление империалистического лагеря, возглавляемого США. Факты с неумолимой очевидностью показывают, что правящие круги США и их союзники по НАТО делают все возможное, чтобы помешать разоружению.

Пытаясь обосновать свой отказ принять выдвинутый Советским Союзом план разоружения, представители США хотели создать впечатление, будто советский план не предусматривает надлежащего контроля. Они заявили, например, что соглашение возможно только в том случае, если будет принята вся концепция западных держав о контроле, т. е. иначе говоря, если дело разоружения будет подменено контролем над вооружениями, а точнее — разведкой.

Такую же позицию противодействия заняли США и их союзники и в отношении осуществления так называемых частичных мер по разоружению. США выступают против запрещения применения ядерного оружия, против создания безъядерной зоны в Европе, против ликвидации бомбардировочной авиации, против соглашения о сокращении военных бюджетов, наконец, против заключения пакта о ненападении между государствами — членами НАТО и участниками Варшавского договора. Суть предложений США по разоружению сводилась к тому, чтобы фактически сохранить обычные вооружения и основную массу вооруженных сил, оставить в неприкосновенности военные базы и войска на чужих территориях, сохранить военные расходы на нынешнем уровне и ограничиться только «замораживанием» отдельных видов средств доставки ядерного оружия. США противятся ликвидации средств доставки в качестве первых шагов разоружения. Советский Союз предлагал завершить осуществление всеобщего и полного разоружения в конкретные сроки, а США вообще не указывали общего срока.

«Бешеные» в конгрессе США обрушили яростные нападки на представителей США на переговорах в Женеве. Даже непоследовательная позиция США на переговорах по разоружению была названа в конгрессе пред-

ставителями «ультра» «глупой» и «предательской». «Мы — против разоружения, потому что нам нужно наше оружие, как то, которое мы уже имеем, так и новое. Нам нужно оружие для ограниченных и неограниченных войн»¹ — такой лозунг провозгласил лидер американских «ультра» Голдуотер.

Трудности, вызванные позицией правящих кругов США и других империалистических держав в вопросах разоружения, далеко не случайны. Они проистекают из самой сущности империализма, из характера того общественного строя, который нуждается в качестве подпорок в громадных армиях, в колоссальных вооружениях, в насаждении иностранных военных баз на чужих территориях, существование которых нужно агрессивным кругам, связавшим свою судьбу с гонкой вооружений, с подготовкой к ядерной войне.

Чего на самом деле стоят медоточивые речи государственных деятелей США о том, что они-де выступают за всеобщее и полное разоружение, за смягчение международной напряженности, — показывают кровавые дела американских агрессоров во Вьетнаме. Как могут народы мира принять на веру заверения в миролюбии и стремлении к разоружению тех, кто, попирая Устав ООН и все нормы международного права, ведет истребительную войну против вьетнамского народа, сжигая напалмом тысячи ни в чем не повинных людей. Как могут народы мира поверить в миротворческую миссию тех, кто стремится решать международные проблемы с помощью звериного закона джунглей, кто стремится установить господство над миром с помощью агрессии, грубого насилия, вмешательства во внутренние дела других государств.

Ученые, стоявшие у истоков производства первой атомной бомбы и осознавшие, какую опасность для мира таит в себе ядерное оружие, выступают за разумное решение животрепещущих проблем современности. В ноябре 1961 г. Лео Сцилард, едва оправившись после лечения, прямо из больницы в Нью-Йорке направился в Москву на конференцию по вопросам науки и международных отношений. Здесь, в Москве, Лео Сцилард, как

¹ Цит. по кн.: Бор. Дмитриев, США: опасность справа. М., 1963, стр. 123.

он сам признавал, обнаружил живой интерес к проблеме далеко идущего разоружения, способного высвободить значительные средства. Американский ученый пришел к выводу: «Большинство американцев меряют американские действия на аршин, который резко отличается от того, каким они меряют действия России. Если их предубежденность в пользу родины вступает в конфликт с истиной, верх одерживает предубежденность»¹. Лео Сцилард, как и в прошлые годы, начал стучаться в двери вершителей судеб Америки, требуя запретить войну, говорить языком разума.

Как предотвратить возникновение атомного пожара? Над этим вопросом немало думали те, кто по своей воле или невольно сыграл свою роль в трагедии 1945 года.

Один из выдающихся ученых XX века Роберт Оппенгеймер, возглавлявший в США ведущую лабораторию по изготовлению атомной бомбы, возмущался тем, что проблему атомного оружия обсуждали с точки зрения безопасности, с точки зрения соотношения сил, но избегали говорить о перспективе всемирной катастрофы простыми словами, прежде всего о моральных проблемах, связанных с атомным оружием. Оппенгеймеру, как и многим его коллегам, пришлось испытать угрызения совести, когда он вспоминал Хиросиму — дело своих рук. Совесть заставила его заговорить о величайшей угрозе человечеству. «Скажу просто,— говорил он на одном из конгрессов,— каждый раз, когда Запад и, в частности, моя страна выражали мнение, что использование оружия массового уничтожения является законным при условии, что это оружие применяется против врага, который сделал что-то дурное, мы допускали ошибку. И я думаю, что недостаток угрызений совести, наблюдавшийся во время второй мировой войны, видимо, из-за ее тотального характера и из-за растущего безразличия правительственных руководителей, нанес серьезный ущерб делу Свободы»².

Жители нашей планеты, прежде всего представители молодого поколения любой страны, должны всегда помнить, какой кровавый «урожай» собрали войны первой

¹ «Международная жизнь», 1963, № 1, стр. 130.

² Цит. по кн.: М. Рузе. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М., 1965, стр. 133.

половины XX века, унесшие из жизни целые поколения людей, поглотившие огромные материальные и культурные ценности; они должны отчетливо представлять угрозу термоядерной войны, чтобы сознательно и организованно вести борьбу против военных приготовлений империализма, не допустить решения, которое уничтожит часть человечества, созданную руками человека цивилизацию. Трагедия атомного пожара не должна повториться.

Что читать по теме

АЛБРОВИЦ Г.

Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968.

БРУКНЕР КАРЛ.

Садако хочет жить! М., 1964.

ВОРОНЦОВ В. В.

«Кумиры» без прикрас. Д. Макартур и дальневосточная политика США. М., 1968.

Тихоокеанская политика США. 1941—1950 гг. М., 1967.

ГЕЙН МАРК.

Японский дневник. М., 1951.

ГОЛЬДШМИДТ Б.

Атомная проблема. Политические и технические аспекты. М., 1964.

ГОУДСМИТ С.

Миссия «АЛСОС». М., 1963.

ГРОВС Л.

Теперь об этом можно рассказать. М., 1964.

ДУБИНСКИЙ А. М.

Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.

КЛАРК Р.

Рождение бомбы. М., 1962.

КУТАКОВ Л. И.

Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.

ЛОУРЕНСУ Л.

Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. М., 1967.

ЛЭПП РАЛЬФ.

Убийство и сверхубийство. М., 1964.

ПАРАМОНОВ В. И ТРУШИН Ю.

Карусель смерти. М., 1968.

РУЗЕ М.

Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М., 1965.

ХАЯЦМАН В. М.

Крах атомной монополии США. «Новая и новейшая история», 1968, № 1, стр. 18—34.

ЮНГ Р.

Ярче тысячи солнц. Повествование об ученых-атомниках. М., 1961.

ЮНГ Р.

Лучи из пепла. История одного возрождения. М., 1962.

ЯКОВЛЕВ Н. Н.

Гарри Трумэн: политический портрет. «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 49—65; № 3, стр. 44—58.

ЯКОВЛЕВ Н. Н.

От Пирл-Харбора до капитуляции. М., 1966.

Оглавление

<i>Вместо предисловия</i>	3
<i>Глава 1.</i> Тайны генерала Гровса	8
<i>Глава 2.</i> У истоков атомной дипломатии	23
<i>Глава 3.</i> Грю терпит неудачу	39
<i>Глава 4.</i> Роковое решение	51
<i>Глава 5.</i> Взрыв над Хиросимой	66
<i>Глава 6.</i> Освободительная миссия	83
<i>Глава 7.</i> Возвышение и падение Макартура	97
<i>Глава 8.</i> Это не должно повториться	109
<i>Что читать по теме</i>	135

Владимен Борисович Воронцов

ТРАГЕДИЯ СОРОК ПЯТОГО

Редактор *Н. В. Полов*. Обложка *В. К. Иванова*. Художественный редактор *В. И. Рывчин*. Технический редактор *Е. К. Полукарпова*.
Корректор *Р. Ю. Грошева*.

Сдано в набор 24/VII—1968 г. Подписано к печати 5/II—1969 г. 84×108¹/₂ мм. Бум. типограф. № 1. Печ. л. 7,14 (1,25). Уч.-изд. л. 6,89. Тираж 100 000 экз. (Теч. пл. 1968 г. № 366). А 04222.

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Областная типография Ивановского управления по печати, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

Цена в обложке 17 коп. Заказ № 4727.

17 коп.

ПРОСВЕЩЕНИЕ 1969